

МАРИЯ ЗАЙЦЕВА

ЧУЖОЙ РЕБЕНОК

Мария Зайцева
Чужой ребенок
Серия «Чужие люди», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70507840

Аннотация

Я люблю свою адскую работу в реанимации, люблю свое одиночество, где нет места постороннему. Тем более, чужому ребенку... Зачем мне впрягаться за него, решать его проблемы, думать о нем? В конце концов, у мальчишки, которого я случайно спасла одной теплой ночью, есть мать. И отец тоже есть...

Но иногда судьба поворачивается так, что чужой ребенок меняет твою жизнь...

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	46
Глава 7	50
Глава 8	57
Глава 9	62
Глава 10	68
Глава 11	73
Глава 12	78
Глава 13	82
Глава 14	86
Глава 15	91
Глава 16	97
Глава 17	102
Глава 18	106
Глава 19	112
Глава 20	118
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Мария Зайцева

Чужой ребенок

Глава 1

а потом она приходит,
смотрит темным, в дверь стучится.
ты с ней и не вместе вроде
так. горошина, частица.
оттиск прошлого печальный
блик на волнах отсверкнувший
луч потерянный случайный
ветер, на плече уснувший.
и ты смотришь и не веришь
что такой была когда-то
и какой шкалой замеришь
ощущения распада?
ты забыла зачеркнула.
ты другая, ты умнее.
а она пришла, вернула
вздох от приоткрытой двери.
все логично, все в природе,
всем хватает и не мало...
лишь во сне к тебе приходит
та, которой ты не стала.

3.05. 2020.

«... Не дойду я до дома...»

Хорошая песня. Протяжная такая. И петь ее легко, под нос бурчать. Даже если твой случай не соответствует словам. Как мой, например.

Потому что я трезвая, я вообще, можно сказать, не пью. Ну, просто так, в смысле. А только по поводу.

Сейчас повода нет, я иду домой, шурюсь на вечерние сумерки и рассеянно почесываю переносицу пальцами. Натертости от медицинской маски – это такое зло, что лишь медики, которые, бывает, по суткам в них находятся, могут в полной мере заценить.

Вечер уже давно плавно перешел в ночь, приятную, практически летнюю такую, и я топаю со смены, не торопясь, лениво и расслабленно. Песню напеваю вот. Хотя, мне по возрасту ее даже и знать-то не положено.

Это бабушка моя пела, когда прибиралась по дому. Хорошо так у нее выходило, душевно. Особенно, тема «если б только я знала, что так замужем плохо...». Обычно в этот момент она смотрела на деда, спокойно изучавшего газету, а тот весело пыхтел в ответ трубкой.

Вот такое забавное подначивание друг друга людьми, счастливо, душа в душу, прожившими вместе больше пятидесяти лет.

Воспоминания о бабушке и дедушке, как всегда, застав-

ляют улыбнуться, и даже ноги не особо сильно ломит после целого дня без возможности присесть.

Смена была тяжкая, прям очень.

Сначала, еще когда только заступила с утра, привезли бабушку с непроходимостью кишечника. Яиц наелась. Вроде, Пасха прошла уже, обычно после нее к нам такие случаи косяком везли. А сейчас конец мая... Ну, это еще ничего, просто, когда ставила бабке систему, выяснилось, что у нее еще и сердечный приступ, который скоряки проморгали. Валя, дежурный врач, ругался, как сапожник...

Потом умер пациент. Но он был безнадежный, так что нам оставалось лишь зафиксировать и отправить тело в морг. С родственниками Валя разговаривал сам, это его обязанность.

Потом мы сели пить утренний кофе... И понесло-о-ось...

Авария с тремя пострадавшими, потом отравление, потом суицидника до кучи, а вишенкой на торте – вечером уже – парнишку, обварившегося кипятком. В колодец упал, бедолага.

Короче говоря, села я только вечером, когда переобуваюсь из тапочек в кроссы.

Конечно, Вовчик, санитар, тоже сменявшийся со мной, предложил подвезти до дома, но вечер был настолько теплый, а дышать так хотелось, что я отказалась.

И вот теперь шагаю себе спокойно, наслаждаясь легким шевелением листвы на тополях, гудением проезжающих ми-

мо машин и, самое главное, отсутствием людей вокруг!

Поздно совсем, по нашей пустой и темной улице даже влюбленные не шастают. Изредка собачники встречаются, да и для них уже не время.

Потому-то темную невысокую фигурку я замечаю издалека.

Мальчишка, лет, наверно десяти-двенадцати. Худой такой, вихрастый. Волосы по-модному выбриты с одной стороны, какой-то затейливый рисунок там. Это я уважаю, сама такая же. Еще и татуху набила на шее, и ухо все в пирсинге. Ну а что? На работе не видно под маской и шапочкой, а во вне рабочее время – чего хочу, то и ворочу.

Прикольно, что я обращаю внимание на прическу парнишки и вообще не думаю о том, какого хрена он в полпервого ночи один на улице?

Хотя, я вообще ни о чем не думаю. Ну, идет куда-то... Взрослый вполне пацан уже. Может, дела у него...

Я в чужую жизнь не лезу и хату предпочитаю иметь с краю. Так целее для нервов и здоровья.

И, когда парнишка, поравнявшись со мной и отчаянно блеснув в темноте белками глаз, резко движется в мою сторону, я настораживаюсь. Парень практически с меня ростом, потому что я от природы мелкая. Может, хочет ограбить?

Так-то фиг ему, конечно, что обломится, но все равно, зачем мне неприятности?

– Девушка! – неожиданно тихо и как-то ломко обращается

он ко мне, — девушка... Помогите мне!

Так, а вот тут возможен уже развод.

Я про такое тоже слышала. Пускают бандиты вперед вот такого парнишку к путникам одиноким, тот просит помощи, ведет за собой в темный уголок, где уже ждут большие серьезные дяди...

Потому я просто торможу, не вынимая рук из карманов. Там у меня есть ключи и газовый баллончик.

Естественно, парня я не буду радовать ни тем, ни другим, но все же так спокойнее.

— Девушка... — он незаметно оглядывается, я не ловлюсь и взгляда с него не перевожу. Настораживаюсь только еще больше. — Можно, я с вами постою тут?

Когда он подходит еще ближе, я понимаю, что мальчишка совсем маленький, не старше десяти лет, просто такой... Длинненький и худенький. И что он очень сильно напуган. Или актер хороший, тут не поймешь. Но трясет его явно не наигранно.

— Что такое? Случилось что-то? — спрашиваю тихо, подмечая, что к нам приближается еще кто-то.

Из темноты боковой дорожки, той, что идет параллельно тротуару и спрятана за кустарником, выруливает мужик. Довольно высокий и крепкий.

Мне это все еще меньше начинает нравиться, но просто уйти я не могу. По всем признакам похоже, что парнишка реально очень сильно напуган. До зубовного стука.

– Я... За мной дядька идет, от арки во дворе, – мальчик не оглядывается больше, только ежится, а я коротко смотрю на мужика. Что характерно, тоже притормозившего и пялящегося на нас. Напрягает как, ух, блин!

– Который? Тот, что за спиной у тебя? – тихо спрашиваю я.

– Да, – парнишка ежится еще сильнее, вижу его бледное лицо и черные зрачки. Расширенные. Испуган? Врет?

– Ты ничего не употреблял? – на всякий случай спрашиваю и внимательно отслеживаю реакцию.

С наркоманами я встречаюсь чаще, чем бы этого хотелось, признаки ловлю на раз. Но сейчас ночь, темно... И сама ситуация, блин, плохая очень.

– Не-е-е-е! Вообще не! Просто... Поздно шел домой, а он тут вышел и за мной. И идет, не отстаёт. И народу никого, как назло. А у меня возле дома – темень. И глухая стена. Ори – не доорешься...

Парнишка говорит это все тихо и быстро. С таким отчаянием, что мне самой становится не по себе. Страшно.

Я опять смотрю на темную фигуру в тени кустарника. Стоит. Терпеливо ждет, пока я... Пройду дальше? Оставлю мальчишку одного на улице?

Издалека по мне не поймешь, парень я или девчонка, джинсы, толстовка, капюшон на голове. И возраст не поймешь.

Потому, если бы я была маньяком (ох, блин, упаси, Гос-

поть), то я бы точно чуть-чуть подождала, пока потенциальная жертва поговорит... и повела бы ее дальше. Или сразу двух жертв, если первой жертве удастся уговорить знакомого или незнакомого пойти вместе...

– Погоди, а позвонить родителям? – спрашиваю я.

– Не, у меня никто не возьмет, – кривится парнишка.

– Хорошо, – вопрос с родителями оставляем открытым, хотя дико странно. Твой десятилетний сын мотается по улицам ночью, а ты не ждешь звонка, не волнуешься? Ну... такое... У меня, конечно, детей нет, да и не особо хочется, если честно, но даже мне тут понятно, что налицо недоработка родителей. – Давай в полицию.

– Я... не могу, – мнется парень, – у меня нет телефона вообще...

Нифига себе. То есть, в наше время у десятилетнего лба нет телефона? Это что за нафиг?

– Ладно, давай я тогда, – решаю я и вынимаю телефон. Есть, конечно, опасения, что мальчишка его сейчас выхватит и смоеся, но, во-первых, невелика потеря, а во-вторых, за глупость надо платить.

Парень кивает, в темноте ярко вспыхивает экран телефона, я набираю три цифры, жду, когда проговорит робот, и наблюдаю одним глазом за парнишкой, а вторым – за мужиком. Косоглазие обеспечено. Как работать буду?

– Дежурная часть, – раздается в трубке усталый мужской голос, и я радостно и громко выдаю на всю улицу:

– Полиция? Меня преследует какой-то человек на улице!
Голос мой, звонкий и напряженный разносится далеко, и мужик торопливо сигает в кусты.

– Где вы находитесь? – спрашивает полицейский.

– Улица Маршала Жукова, дом десять, со стороны пешеходного перехода на четвертый квартал.

– Ваши фамилию, имя, отчество назовите, вас еще преследуют?

– Нет, он в кусты прыгнул, – признаюсь я, – как только услышал, что я вам звоню.

– Вы в опасности сейчас?

– Нет уже... Наверно... – пожимаю плечами, оглядываюсь. Мужика нигде нет, парнишка стоит рядом, вытянувшись, похожий на худенького несчастного суслика-сурриката, смотрит на меня напряженным, испуганным взглядом.

– Тогда идите домой, и, если опять увидите преследователя, позвоните.

– А если он на меня нападет? – резонно замечаю я, – и я не успею набрать?

– Тогда берите такси и приезжайте в отделение. Примем заявление с подробным описанием преследователя.

– Но ведь... Он может еще кого-нибудь за это время...

– Девушка, вы не уверены, что он за вами шел, – прерывает полицейский, – может, он просто по своим делам шел? Состав преступления нет. Но, если вы настаиваете, опишите нам его, а потом приедете в отделение, примем заявление,

составим фоторобот...

– Хорошо...

Я какое-то время еще разговариваю с полицией, громко и внятно, чтоб, опять же, слышала вся улица и близлежащие кусты, описываю мужика, правда, кроме роста и темной одежды, ничего не помню, но все равно стараюсь изо всех сил.

Мальчишка все это время смотрит на меня, терпеливо ждет.

Наконец, я кладу трубку.

– Ну все, сделала, что смогла. Наверняка, он уже до обводной добежал от страха, так что не волнуйся, иди домой.

– Да. Спасибо тебе большое, – кивает он, неуверенно и жалко улыбаясь. Чувствуется, что парень все еще основательно не в себе, испуган и напряжен. – Я чет так перенервничал... Иду, а он за мной... Идет и идет, идет и идет...

– Ну, теперь быстро домой беги, – киваю я.

– Ага, спасибо еще раз!

Он разворачивается, сует руки в карманы и, оглядываясь, торопливо идет в сторону длинного, и в самом деле, глухого дома, возле которого ни одного фонаря не видно.

Я смотрю ему вслед, и сердце начинает щемить от вида незащитной фигурки, уходящей в темень одиноко и напуганно.

Черт... Аня, это не твое дело. Ну не твое же дело! Ты все, что могла, уже сделала! Ты – помогла! Многие бы на твоём

месте и этого...

– Подожди! – кричу я ему в спину и догоняю. Хватаю за рукав обтрепанной толстовки.

Парнишка смотрит на меня огромными глазами, немного удивленно и... с надеждой? Словно я – его защита, неожиданная, но желанная. Этот взгляд режет мне по сердцу непрощенным теплом, но я отгоняю неправильное и ненужное мне ощущение.

Я просто помогу, доведу до дома. В конце концов, здесь реально, как у негра в... самом темном его месте.

– Пойдем, я провожу.

– Спасибо.

Он с готовностью цепляется мне за рукав и топает в сторону дома.

Я не сопротивляюсь, позволяя ему указывать дорогу в темноте.

Черт...

Надеюсь, я не пожалею о своем поступке.

Глава 2

Я живу не в самом благополучном районе нашего города. Самый благополучный – Ново-Речной. Там, как понятно из названия, все новое – дома, улицы, школы, говорят, даже спортивные площадки имеются, вандалами не разбитые. Мой район – Старо-Речной, проще говоря, Старый. И тут все печальней, конечно, но не так, как еще в одном, третьем районе, в простонародье называвшемся Кресты. Я так думаю, по названию известной Питерской тюрьмы, а еще потому, что там рядом в самом деле – тюрьма. И многие из бывших заключенных, выходя из нее, тормозят в Крестах, отдыхая от зоны, а затем так и остаются там же. Понятно, что в Крестах у нас лучше по улицам ночью не ходить, да никто и не ходит.

А вот в Старом – еще все относительно прилично.

Потому я и удивляюсь, рассматривая здоровенное здание бывшей вьетнамской общаги, куда привел меня парнишка со смешным именем Ванька. Ванька-встанька...

Правда, на игрушечного пузатика он совершенно не похож, но вот улыбка, возникающая на бледном лице... ну, есть что-то. И веселый такой. Как только понял, что опасность миновала, шел рядом, чуть ли не подпрыгивал.

Правда, пытался из себя солидного мужчину строить, но все равно периодически срывался на детский подпрыг.

Мне было смешно даже.

Волнение и опасения, что все же ведет меня Ванька в ловушку, испарились, и мы весело провели время в пути, болтая за жизнь.

Ванька рассказал, что живет с мамой, но сейчас она, наверно, на работе. Работает она продавцом в круглосуточном магазине-разливайке, потому, естественно, парня не контролирует.

Сам Ванька ходит в школу, учится хорошо. На мой скептический взгляд последовали обиженно поджатая губа и уверения, что «точно хорошо... ну... иногда плохо».

Припозднился, потому что у приятеля заигрался в видеоигру. И время не заметил.

Вполне логичная история для мальчишки десяти лет.

Болтать мне с ним легко и не напряжно, хотя я не особенно люблю детей, на самом деле.

Всю жизнь живу одна, с тех пор, как бабушка с дедушкой умерли.

И в последние годы, особенно после детдома, кайфую просто от одиночества.

И не надо мне никого, хорошо так, когда никто в спину не дышит, разговорами не отвлекает.

После шести лет в детдоме – это прям ценно очень.

Работа у меня адская, но я ее люблю. И не представляю, что могла бы, например, выйти замуж, там, детей завести... Не хочу.

А, так как реанимация у нас взрослая, детей везут в дет-

скую сразу, то я и по работе с ними не сталкиваюсь. Опыта мало, короче говоря.

И потому с Ванькой-встанькой разговариваю, как привыкла, по-взрослому, не делая скидок на его возраст и прочее. И он, похоже, это оценил и даже уважением ко мне проникся... Ну, я так думаю.

Подъезд общаги, естественно, не оснащенный лавочками и прочими вещами, удобными для постоянного сидения и воздействия на нервы жителям, выглядит мрачновато.

Фонарь снаружи не горит, внутри, насколько можно видеть по лестнице – тоже света нет.

– Ну ты иди, – шмыгает Ванька, – тут я сам уже.

Я еще раз смотрю на черные окна подъезда, потом решаю:

– Давай, до квартиры доведу уже. А то телефона у тебя нет, мало ли, какой утырок на лестнице встретится...

– Ага, – резонно возражает Ванька, – а обратно сама пойдешь по темнотище, тоже мало ли кто встретится... у нас тут полно...

– За меня не бойся, – успокаивающе подмигиваю я, – я – везучая.

– Ага... – опять хмыкает Ванька, затем косится на черный подъезд... И кивает.

А я, смиряя неуместную жалость, остро резанувшую по сердцу, первой открываю дверь.

– Какой этаж?

– Пятый... Лифт не пашет уже третий месяц...

– Весело...

Мы идем, болтая довольно громко, чтоб разогнать черноту и прячущихся в ней вурдалаков.

Я подсвечиваю фонариком ступени. Грязища, шприцы использованные, бутылки. Вонь от мусоропровода.

Как они тут живут?

И Ванька каждый день тут ходит?

Не твое дело, Ань. Не твое.

Сколько их тут, таких вот? Всех не пожалеешь... Тебя никто не пожалел.

Мы доходим до пятого, останавливаемся у ветхой двери, обшитой дермантином.

– Ну все, я дальше сам, – поворачивается ко мне Ванька, – спасибо, Ань... Ну, короче...

– Да все путем, – успокаиваю я его, параллельно вызывая в приложении такси. Хватит, нагулялась я чего-то по темноте.

На экране показывается машинка и сообщение, что такси будет у меня через десять минут. И то хорошо, сюда, в жопу мира, особо не любят ездить.

Я киваю, уже, практически, разворачиваясь, когда дверь Ванькиной квартиры распаивается и оттуда вываливается пьяный в дымину мужик. Он смотрит на меня мутными глазами, переводит взгляд на Ваньку.

– Это че такое тут? – ругается он, – а ну, пошли отсюда!

– Сам иди! – неожиданно звонко и четко отвечает Ванька, – нефиг тебе тут делать!

– Че? – удивляется мужик, а потом делает движение, чтоб поймать Ваньку, но путается в ногах и с воплем летит вниз с лестницы.

Ну, может, не сам летит. Может, я ему пинка даю для ускорения...

Внизу пролета мужик вяло матерится, пытаюсь встать. Судя по всему, особо он не пострадал. Ну и хорошо.

– Мам! – орет в квартиру Ванька, – мам!

Он смотрит на меня смущенно и стыдливо, понимая, что зрелище вообще неприглядное и переживая из-за этого, но я тоже кое-чего повидала и как раз в его возрасте, так что таким уж точно меня не удивить.

Улыбаюсь, посматриваю на экран телефона. Мужик внизу перестает материться и теперь мирно храпит.

– Ванька! – раздается из квартиры пьяный женский голос, – сынок... А ты чего так долго? Уроки дополнительные были в школе?

Офигеть, мамаша, конечно. Время уже за второй час ночи перевалило, а она даже и не заметила ничего...

Ванька тоже понимает, что ситуация тупая и стыдная, а потому торопливо идет в квартиру:

– Мам! Все нормально!

В коридоре появляется женщина, высокая и стройная. И когда-то, скорее всего, очень красивая. Бывает такое, что даже за годами беспробудного пьянства видно, какой человек был раньше.

Так вот, мама Ваньки раньше была, судя по всему, нереальной красоткой. Но это было давно.

Теперь передо мной просто рано постаревшая пьяная женщина.

Она переводит бессмысленный взгляд с сына на меня, потом обратно.

– Это кто, Вань? Подружка твоя?

– Ага, типа того, – быстро кивает Ванька, косясь на меня, – иди ляг.

– Ой... А я же поесть еще не приготовила... Там Роберт пиццу принес, будешь?

– Да щас, – рычит уже Ванька, раздосадованный этой сценкой, – эту пиццу можно жрать только если хочешь на толчке провести всю ночь!

– Сынок... ну зачем ты так? – голос у нее заплетается, ноги тоже, еле стоит.

– Иди ляг! – отрывисто приказывает Ванька.

– Ой... Командир, – с хвастливой и жалкой пьяной гордостью заявляет его мать и послушно идет вглубь квартиры, – прямо, как его папаша... Ур-р-род...

Я смотрю в экран, делая вид, что сильно занята отслеживанием заблудившейся тачки, и не заметила ничего такого.

Но Ванька не собирается прятаться.

– Ты прости, мама... Она... Не всегда такая... – бормочет он, опять стыдливо отводя взгляд.

А мне снова становится его остро жалко.

И не потому, что навевает ненужные ассоциации, с этим у меня проблем нет...

Но просто...

Не должен ребенок приходить домой в два часа ночи.

Не должен ребенок видеть свою мать вот такой.

Не должен открывать пустой холодильник с кусками позавчерашней пиццы и бутылками пива.

Не должно такого быть! Не должно, черт!!!

Не знаю, что мной движет в этот момент, но я делаю то, что считаю нужным.

Выгребаю из кошелька все наличные. Там немного, но нам сегодня выдали аванс на работе, я сняла деньги по дороге домой в круглосуточном банкомате.

– Вот, – сую стопку купюр Ваньке в руки, – здесь немного, но хватит на еду. И на телефон простенький. Чтоб, если вдруг опять пойдешь ночью... Но лучше не ходи, ладно?

– Да ты чего? – он краснеет, пытается мне вернуть деньги, но я не беру, сую ему обратно, настойчиво смотрю в глаза.

– Это – просто займы. Ты же подрабатываешь? Листовки раздаешь, да?

Он кивает.

– Вот зарабатываешь и отдашь. Ясно?

– А как я тебя найду, чтоб вернуть?

– Номер запиши, телефон купишь и позвонишь, забьешь к себе.

Он кивает, нехотя берет деньги, записывает номер.

– Только с возвратом, поняла? Я заработаю и все отдам.

– Само собой! Ну все, моя машина подъехала, пока! Завтра поесть себе купи в школе. И после школы, домой чего-нибудь купи. А деньги матери не показывай.

– Да не дурак, – солидно кивает он.

Я сбегая вниз, перепрыгиваю через храпящего мужика, выскакиваю из подъезда. Выдыхаю.

Нестерпимо хочется курить, но я бросила. И начинать не собираюсь.

Машина уже подъехала, я сажусь на заднее сиденье.

Смотрю на мелькающие фонари, на темные придорожные кусты и кое-где горящие окна в домах.

На щеках влага, удивленно провожу ладонью, смотрю на мокрые пальцы.

Слезы.

Глава 3

– Ты чего опаздываешь? Я из-за тебя на автобус не успею, – шипит ночная медсестра Зоя, пока я, спешно скинув кроссы, переодеваюсь в форму и натягиваю пониже шапочку.

Отвечать ей ничего не собираюсь, хотя могла бы.

Во-первых, пришла я вовремя, пусть не болтает, а во-вторых... Не до нее мне. И без того не в свою смену выхожу, толком не выспалась после вчерашнего приключения с Ванькой-встанькой, вертелась всю ночь, переживала чего-то... Вот ведь странность, ситуация-то стандартная, обычная самая... А меня почему-то повело. Удивительно просто.

– Пошли, сдам тебе пациентов, как раз перед планеркой успею, – Зоя, с огорчением поняв, что лаяться я не собираюсь, ощутимо сдувается, и дальше мы начинаем обычный рабочий день.

Сдача пациентов, листы назначения, поступившие, вчерашние, список лекарств для получения, не меняющийся, практически, никогда: физраствор, глюкоза, спирт, вата, пластыри, системы, шприцы, гормоны, магnezия и прочее, прочее, прочее...

За ночь новых пациентов не случилось, слава всем богам, из старых никто не умер, так что особо докладывать Зое на планерке нечего.

Зевающий ночной врач, приходящий реаниматолог Костя, вяло кивает на перечисления Зои и умудряется еще и мне подмигивать. Смотрится это потешно, я улыбаюсь в ответ. Перехватываю взгляд начальства, анестезиолога-реаниматолога Димы, отворачиваюсь. Вот за что не люблю дневные будние смены, так это за его присутствие. Ошибка прошлого, чего уж там. Мне кажется, мало кто из молоденьких, только пришедших после училища медсестер, умудряется избежать служебного романа. Я – вообще не исключение. И пять лет назад не избежала.

Теперь пожинаю плоды по полной программе.

Нет, Дима неплохой мужик и хороший спец, с ним на смене легко, он глупостей не делает, не орет попусту, и подставы от него не ждешь.

Наоборот, прикроет даже.

У меня однажды пациент в делирии от стола отвязался, пнул меня ногой в живот и, пока воздух хватала, да на пол валилась, умудрился на окно залезть и вниз с третьего этажа упасть. Короче, оттуда сразу в морг повезли, а нас комиссии еще полгода донимали. И любой другой врач спокойно свалил бы всю вину на медсестру, которая плохо привязала и вообще почему-то не смогла утихомирить двухметрового мужика, впавшего в белую горячку. Но Дима нас отбодал. И себя, и меня. И вообще, сделал все, чтоб меня поменьше трепали вопросами.

Наш недо-роман к тому времени уже год как закончился,

причем, по моей инициативе, потому что с женатыми мужчинами спать не комильфо, и совершенно неважно, насколько одинокими и покинутыми ощущают себя на смене эти женатые мужчины.

Но у Димы, судя по всему, сохранились ко мне теплые эмоции.

Короче говоря, я была ему благодарна. Но вот работать под постоянным внимательным взглядом и периодическими разговорами, которые при правильной подаче легко сошли бы за харрасмент... Ну такое... Так себе.

Но я терпела. Терпела и думала о том, что надо еще чуть-чуть наработать стаж. А потом сваливать в терапию, например. Или гинекологию. Кардиологию, наконец. Место в любом случае будет. Медсестер, с опытом работы в реанимации, с руками отрывали везде.

Я все думала об этом, думала, думала... Да так и не решилась. Не представляла, как можно работать где-то еще... Станным казалось даже такое. Приходить на работу, без нервов и стресса проводить часы... А если в терапии, например, то вообще отдых, особенно после реанимационного треша...

Не представлялось, никак не представлялось.

После планерки привычно занимаюсь работой.

В обед заглядывает Иваныч, наш больничный столяр, слесарь, сантехник, электрик и на все руки мастер.

Мы с ним иногда болтаем, когда время есть у меня, он

конфетки приносит. Понятно, что в медицине недостатка в конфетах и спиртном никогда нет, но все равно приятно. Дочкой называет... Меня так... Да никогда не называли.

– Эх, дочка, замуж бы тебе, – вздыхает Иваныч, отпивая крепкий, черный, словно деготь, чай. Чифир прямо, а не чай.

– Пффф... – смеюсь я, – зачем? Чего я там не видела?

– Ты – красивая, молодая, деток тебе...

– Вот уж чего-чего, а детей точно не надо.

Вспоминаю смешливые глаза Ваньки, его черные вихры, задорно торчащие в разные стороны... А ведь, залети я в шестнадцать, у меня вполне мог бы быть такой вот Ванька... Свой.

Черт!

С досадой смотрю на Иваныча. Ну вот надо же, принесло его тут, со своими провокациями!

– У нас стул в палате на ладан дышит, – прерываю его наставления, – и зеркало в сестринской все время криво висит.

– Посмотрим, дочка, все посмотрим... А вот замуж бы тебе. Мужа хорошего... Чтоб не боялась жить...

Отворачиваюсь, иду работать.

Машинально проделывая обычные манипуляции, записывая их, почему-то все время думаю о последних словах Иваныча.

С чего он взял, что я боюсь жить? Нисколько не боюсь. Да черт, я такого навидалась, о какой боязни речь вообще?

Ничего подобного...

Боюсь жить. Как это? Как вообще можно бояться жить?

С досадой замечаю, что допустила ошибку в записях, переделываю.

А все из-за Иваныча! Тоже мне, провидец-сваха!

После привозят тяжелого старика с инсультом, и я забываю про слова Иваныча до самого вечера.

И вообще... забываю.

Потому что они – не про меня совершенно.

– Ань, подвезти?

Дима, уже сменившийся и переодевшийся, ждет возле двери, поигрывая ключами от новой иномарочки.

Так. Значит, все эти взгляды утром на планерке и потом в течение дня были неспроста...

– Нет, спасибо, – вежливо отказываюсь, натягивая капюшон на обесцвеченную макушку.

Дима смотрит на меня с неудовольствием.

– И чего ты все время, как пацан-недоросток одеваешься? Красивая же баба...

– Спасибо, – сдержанно благодарю его, сажусь, чтоб переобуться.

– Ань... – голос Димы меняется, становится бархатным таким, плавным... Знакомо, очень знакомо. Не так давно слышала, как он Марину из терапии именно таким нежным игривым баритоном уговаривал прогуляться... До ординаторской в ночную смену, ага. – Ну чего ты шарахаешься от меня?

– С чего ты взял? – удивленно поднимаю на него взгляд, реально удивленно, потому что не замечала за собой «шархания». Исключительно деловые отношения!

– Ань... – он поднимает меня за локти, перехватывает за талию.

Да черт!

Торопливо выпутываюсь из его рук.

– Дим, ты чего? Медсестры в больнице закончились, что ли? По второму кругу пошел?

– Ань, ты сейчас меня обижаешь... Зачем? Может, я искренне к тебе...

– Искренне. Конечно, искренне. Верю, Дим. Верю.

Аккуратно обхожу его и бегу в сторону автобусной остановки.

У меня завтра и послезавтра – выходные. Отосплюсь! Буду весь день спать и ни о чем не думать!

Когда меня утром следующего дня будит телефонная вибрация, которую я по недоумию забыла вырубить, то сначала даже не понимаю, что это за «ж-ж-ж», и чем бы его прибить...

А потом еще с полминуты тупо пялюсь на незнакомый номер, прикидывая, отрубить его или все же послушать?

Нажимаю на зеленую трубку в итоге.

– Анна?

– Да...

– Вы Ивана Пересветова знаете?

– Кого?..

Глава 4

– Кража, сопротивление полиции, нанесение мелких телесных... – монотонно перечисляет толстый равнодушный участковый, не глядя на меня даже.

Ну правильно, чего ему глядеть?

Уже все, что требовалось, увидел и впечатление свое составил. Судя по поведению и тону, которым он зачитывает протокол, не особо я ему понравилась.

– Какие еще мелкие телесные? – выразительно осматриваю три подбородка и толстые пальцы-сосиски. – Не вижу ничего.

– Укусил меня ваш племянник, – сухо отвечает участковый, – вцепился, как щенок...

Морщусь непроизвольно, вздыхаю. В голову лезут вполне справедливые мысли о том, что все это – не мое дело.

И Ванька-встанька, в миру носящий очень серьезное и грозное даже имя Иван Пересветов, мне вообще никто.

Совершенно чужой ребенок.

И потому непонятно, какого, собственно, черта, я, вместо того, чтоб десятый сон видеть, стою здесь и выслушиваю этого унылого, обиженного жизнью мужика.

Зачем мне это все?

Но вот стою. Слушаю. Киваю. И даже прикидываю мысленно, каким образом можно будет договориться, чтоб Вань-

ке все сошло с рук.

Нет, воровать – это плохо, согласна. Полицейского обзывать собакой и кусать до крови – тоже ничего хорошего... Но на это явно есть свои причины.

Мне Ванька не показался отмороженным придурком, способным на безрассудные поступки... К тому же... Я ему деньги дала...

– А что он украл? – перебиваю я унылое перечисление статей, по которым можно определить девятилетнего ребенка в колонию.

– Сотовый телефон, – участковый прерывается и передает мне протокол, – вот, ущерб оценен в двадцать тысяч.

– Понятно... – выдыхаю, собираясь с мыслями, смотрю на мужчину, улыбаюсь как можно более просительно и жалко, – послушайте... Мой... племянник... Это же случайность... Он ошибся, понимаете? Может, можно что-то сделать? За укус он извинится, испугался просто... Ну войдите в положение, это же ребенок...

– Да я-то войду, – участковый откидывается на кресле, складывает пухлые пальцы на животе, – но заявление от владельцев точки имеется... Я ему обязан дать ход...

– А... Как можно повлиять на то, чтоб они забрали заявление? – вкрадчиво интересуюсь я, – вам же тоже лишнее дело не нужно...

– Ну... Учитывая, что тут у нас вполне хорошая доказательная база для фигуранта... – рассуждает участковый, но

потом опять вздыхает, смотрит на меня усталым взглядом, – Анна Викторовна, думаете, мне очень сильно хочется ребенка привлекать по статье? Ставить на учет? Но я обязан, понимаете? Есть официальный документ... Естественно, никто его в колонию не посадит, возраст не тот, да и это – первый эпизод, но материальный ущерб придется возместить. Либо договориться с владельцами точки... Пока я могу его выпустить под вашу ответственность...

Я, помедлив, киваю.

Ну а куда деваться?

Ваньку я тут оставить не могу. Просто не могу.

Черт, надо же так глупо влететь?

– И да, я бы советовал переговорить с вашей сестрой о воспитании сына. Я получил информацию от школы о составе семьи, характеристики на нее. Там все не очень благополучно, вы в курсе?

Киваю. «Не очень благополучно» – вообще не те слова, которые в данной ситуации употребимы.

– И сейчас я бы хотел видеть его мать. Я, вообще-то, совершаю должностное преступление, идя вам навстречу и отдавая ребенка не его законному представителю. Я вас на порог не должен пускать, понимаете?

– Да, – торопливо киваю я, – и я вам благодарна очень... Очень... Просто Ваня... Он больше со мной бывает... Привык меня в контактах первой указывать, понимаете?

– Договаривайтесь с владельцами магазина, чтоб они

забирали заявление, – сухо прерывает поток моего бреда участковый, – и, на будущее, лучше следите за племянником. Он рано начал нарушать закон.

– Да, обязательно, да, конечно...

Ванька, все это время сидящий в соседней комнате, смотрит на меня взволнованно и напряженно.

Словно ждет, что я сейчас во всеуслышание заявлю, что знать не знаю его.

И оставляю здесь.

Но я улыбаюсь. Подхожу и легко ерошу непослушные длинные волосы на макушке.

– Привет.

– Привет, Аня.

Сопит, ежится от моих прикосновений. Не привык? Неужели, его мама так не гладит?

Смотреть на осунувшееся, серьезное лицо почему-то больно, я торопливо отвожу взгляд и, кивнув на прощание участковому, иду к выходу.

Ванька топает за мной.

На улице щурюсь на солнце, вздыхаю... И достаю пачку сигарет.

– Вредно, – сурово говорит Ванька, – убери.

– Тоже мне, командир, – хмыкаю я, верчу в пальцах уже добытую из пачки сигарету... И засовываю обратно. Выкинуть надо, наконец... Бросила же, зачем таскаю?

Да и не дело это, ребенку плохой пример показывать. У

него и без того много чего перед глазами не особенно хорошего...

Спускаюсь вниз по ступенькам, иду в сторону остановки.

Ванька догоняет, пристраивается рядом, стараясь шагать в ногу со мной. Молчит. Сопит.

Прямо ощущается, как его разрывает от желания оправдаться, только повод нужен, толчок.

А мне оно нужно?

Наверно, да.

Зачем-то же я подписалась сейчас на это все...

– Ну рассказывай, – смягчаюсь я, немного сбавляя шаг.

– Я не виноват! – тут же выдает Ванька.

Ожидаемо. Конечно, не виноват.

– Я хотел купить телефон, – продолжает он рассказывать, волнуясь, забегая передо мной, чтоб в лицо смотреть, и размахивая руками, – подошел... Попросил посмотреть, а продавец не дал! Сказал: “Вали отсюда, шваль”! Прикинь?

Киваю.

Да, такое вполне могло быть, Ванька не выглядит платежеспособным покупателем. Но все равно, как-то... Перебор. Рычать на ребенка только за то, что телефон попросил посмотреть...

– Ну, я начал возмущаться, – Ванька подпрыгивает от волнения на месте, вынуждая меня затормозить, – а он как заорет: “Это ты у меня на прошлой неделе спер мобилу! Я тебя узнал!” Ну и, не успел я чухнуть, как охрана приперлась,

меня повязали...

– Так мобильного у тебя не нашли ворованного? – уточняю я основной момент.

– Нет, конечно, – фыркает Ванька, – я что, совсем конченный утырок?

– Не надо такие слова говорить, – наставительно говорю я, – маленький еще.

– Какие? – безмерно удивляется Ванька, я смотрю на него пару секунд, прикидывая, стоит продолжать воспитательную работу, или не пытаться даже...

Затем вздыхаю:

– Ладно... Пойдем. Есть хочешь?

– Да, – кивает Ванька, опять подстраиваясь под мой шаг.

Мы идем в сторону моего дома, болтая по пути про все на свете: школу, уроки, успехи Ваньки в школьной футбольной команде и новой компьютерной игре.

Я пару раз ловлю себя на том, что разговариваю с ним на равных, то есть, вообще без напряжения.

Обычно, общение с детьми меня всегда порядком утомляло, словно натужное что-то делала... Но, может, все дело в том, что дети, с которыми мне доводилось общаться раньше, были меньше Ваньки?

У моих немногочисленных приятельниц детишки примерно от грудничков до пяти-шести лет. И я, если вдруг раз в полтора года умудрялась в гости заглянуть, всегда старалась не обращать внимания на ползающего под ногами человек-

ка, считая его кем-то вроде любимого домашнего животного. Типа, надо уделить обязательное время для умиления и утешения, но не более. А то обнаглел, на шею заберется. И сиди потом, терпи...

Ванька же ведет себя, разговаривает и, по-моему, думает, уже как вполне сформировавшаяся личность. Взрослая.

Болтать с ним весело и интересно.

Мы доходим до моего дома, поднимаемся на этаж.

Ванька с любопытством осматривает квартиру, кивает солидно:

– Ниче так хата.

– Спасибо, – сдержанно улыбаюсь я.

– Твоя?

– Моя. От бабушки с дедушкой досталась.

– Ага...

Больше Ванька никак мою жилплощадь не комментирует, просто ходит, изучает мебель, корешки книг в дедовой библиотеке, вид из окон.

– А чего одна живешь? Без мужика? – поворачивается он ко мне с неожиданным вопросом.

Я пару секунд раскрываю рот немо, пытаюсь сформулировать верный ответ, а затем строго говорю:

– А тебе не кажется, что это не твое дело? Невежливо спрашивать у женщины о таком.

– Так ты не женщина, – огорошивает меня Ванька.

– А кто же я?

– Девушка еще, – и, пока я раздумываю, считать это за нахальство или за комплимент моему возрасту и внешности, наглый мальчишка продолжает, как ни в чем не бывало, – но вообще, правильно, что мужика не заводишь. Нафиг они не нужны, кровососы. Без них лучше.

– А не слишком ли ты мал, чтоб вообще о таком рассуждать? – теряюсь я окончательно, не понимая, как это разговор наш в такое русло забрел.

– Нет, – отрезает Ванька, а затем решительно топает в сторону кухни, – пойдем, ты жрать предлагала.

– Не жрать, а есть, – машинально поправляю я его, послушно идя следом и гадая, каким образом я вообще в такой ситуации оказалась.

Бывают же в жизни странности...

Глава 5

– Аня, к тебе там мальчик какой-то пришел, – зовет меня тетя Тома, санитарка.

Я отрываюсь от журнала, иду к выходу, в принципе, прекрасно зная, кого увижу.

И худая длинненькая фигурка на крыльце оправдывает ожидания.

– Ты чего тут забыл? – сурово говорю я вместо “здрaсте”.

Ванька весело щерится, показывая небольшую прореху между передними зубами, и смотрится это на редкость мило, озорно и забавно даже, так что я невольно перестаю хмуриться и тяну губы в ответной улыбке.

– Да я просто в гости пошел к тебе, а потом вспомнил, что ты на работе... И решил забежать...

Он тараторит, улыбается, шмыгает носом. И прячет взгляд.

Я оглядываюсь на входную дверь, потом маню его зайти.

Сегодня у нас тут не особенно шумно, середина недели, и на смене Дима. Ругаться не будет, хотя и нельзя нам посторонних.

– Сядь, – киваю ему на лавку.

Ванька садится, смотрит на меня.

– Есть хочешь? – мне приходит в голову, что он голодный, наверно, после школы... Если домой не заходил. Или зашел

и вышел.

– Немного... Ты не думай, у меня бабло есть...

– Не бабло, а деньги, – машинально поправляю я его, сама внутренне впадая в ступор от менторского тона и попыток в правильность речи.

Обалдеть, давно ли меня так приложило? Вот что общение с детьми делает!

– Ой... Зануда, – закатывает глаза Ванька, демонстративно фыркая.

– Сиди тут, – командую я, выхожу в сестринскую, забираю нетронутый контейнер с жареной картошкой и котлетой, прихватываю вилку и хлеб.

Выношу это все в коридор.

– Вот, бери и иди на улицу. Здесь нельзя посторонним. У нас на территории есть беседка, там стол и лавки, перекуси, контейнер принесешь, понял?

– Угу, – Ванька, алчно сглотнув на пробивающийся из-под крышки запах еды, все без разговоров подхватывает и уметается на улицу.

А я спохватываюсь, что не спросила у него, что случилось.

Он же явно не просто так пришел...

Учитывая, что мы распрощались позавчера, когда я накормила его обедом, сделала уроки с ним и выпроводила домой до темноты, вряд ли успел соскучиться. Да и вообще... Чего ему скучать?

Я все сделала для того, чтоб Ванька не сильно старался

ко мне приходиться. Мало кому понравится вместо веселой болтовни, как он, наверно, рассчитывал, сидеть и уроки делать...

Но я ему в подружки не набивалась, да и не стремилась особо к общению, кожей ощущая, что не стоит приваживать чужого ребенка.

И без того чересчур сильно вписалась.

И это я еще в тот магазин с наглым продавцом не ходила!

А ведь планировала, как раз после смены заскочить хотела, сегодня вечером.

Я, скрепя сердце, прикидывала, как буду разговаривать, какие аргументы приводить, и старательно убирала из головы вполне логичные вопросы: на кой это мне все?

Жила же себе, жила... Не планировала ни детей, ни мужей, все устраивало так, как есть...

Нет же, вписалась за незнакомого, чужого...

И вот теперь, отдав Ваньке свой обед, я только вздыхаю.

Не хотела приваживать... А оно само как-то. Пришел, такой натушно веселый, упорно делающий вид, что ничего у него не происходит, что все хорошо...

А у меня что-то даже нехорошо стало в сердце.

С другой стороны, ребенок голодный... Ну и пусть чужой. Убудет от меня, если покормлю разок?

У него дома, наверно, кроме бутылок, и нет ничего в холодильнике...

Пока уговариваю себя, что в происходящем вообще ниче-

го особенного, привозят по скорой гипертоника, и самокопания отступают на десятый план.

Занятая пациентом, я даже забываю про Ваньку на какое-то время, потому что потом надо делать процедуры, потом это все записывать, а затем успокаивать еще одного пациента в делирии.

В итоге, спохватываюсь я уже ближе к концу смены.

Выхожу на крыльцо, вертя, как предлог, сигарету в руках, осматриваюсь, гадая, куда делся парнишка.

Судя по тому, что контейнеров моих нет на лавке в коридоре, явно не заходил сюда. Конечно, мог просто поесть и оставить их в беседке, но... Но что-то подсказывает, что Ванька вряд ли бы так поступил. Не бросил бы мою посуду.

Вокруг пусто и тихо той особенной больничной тишиной, практически прозрачной и уютной.

Слышу откуда-то сбоку тихий говор, иду на звук.

Вряд ли пациенты из общего корпуса сюда добрались, довольно далековато, а мои пациенты ходить пока не в состоянии. Значит, кто-то из персонала.

Заворачиваю за угол и вижу сидящего на лавке у подсобного помещения больницы Иваныча, как обычно, что-то мастерища. И рядом с ним – Ванька.

Сидит, слушает внимательно, кивает солидно.

Стою, незамеченная, вслушиваюсь в разговор.

– Вот тут, паря, надо чуть-чуть подтянуть... – бормочет Иваныч, споро наматывая какую-то проволоку на деревяш-

ку. Как мне кажется, на деревяшку. – А вообще, – продолжает Иваныч, – в твои годы у меня выкидушка была... Хорошая... Отец с войны принес, трофейный.

– А что такое “трофейный”? – спрашивает Ванька.

Иваныч вскидывает на него изумленный взгляд:

– Это... Ну... Это значит, взятый в бою. У немцев... Ты ж знаешь, что война была? С немцами? Великая Отечественная?

– Ну... Да, – не особенно уверенно кивает Ванька. – А что, ваш отец воевал?

– Ну а как же... Конечно, воевал, в шестнадцать лет... Вот тебе сейчас десять? Еще шесть лет – и будет столько же, сколько моему отцу, когда он на фронт сбежал... Добровольцем. Всю войну прошел, вернулся... И вот, ножичек мне подарил...

– А вам сколько лет было, когда война была?

– Ты чего, паря? – удивляется Иваныч, – да я после войны родился, в пятидесятом. А ножичек, выкидушку, мне отец в семь лет подарил...

– А разве так можно? – изумляется Ванька, – это же нож... Холодное оружие... детям...

– Эх... щенки вы бессмысленные... – машет рукой Иваныч, – ничего не понимаете. Нож для парня – первое дело! Это и игра, и руки занять, если есть время... И защита.

Он опять погружается в работу, а Ванька жадно следит за его сухими жилистыми и неожиданно ловкими пальцами.

Я вижу, что рядом с ним на лавке стоит мой контейнер, судя по виду, помытый. Значит, Иваныч пустил его к себе в подсобку.

Ох, не очень это хорошо: посторонний на территории, кто узнает, будет крик.

Но Ванька выглядит на редкость заинтересованным и довольным, а мне приходит в голову, что он, наверно, с нормальными представителями мужского пола и не общался. Только с собутыльниками и сожителями матери, да вот такими участковыми, которых с места только краном подъемным можно сдвинуть.

Но стоять дольше я не могу, скоро должна прийти сменщица, надо сдаваться, а потому выхожу из тени.

Ванька, увидев меня, вскакивает, улыбается:

– Привет, Ань! А мы тут с Иванычем ножик мне делаем!

– Какой еще ножик? – хмурюсь я, разворачиваясь к Иванычу, – с ума сошел?

– Ничего не сошел, – отмахивается от меня Иваныч, споро наматывая на рукоятку, как теперь уже становится понятно, что-то плотное, похожее на брезент, или на металлическую ткань. – Парню надо обязательно.

– Ничего ему не надо, ты совсем уже, – повышаю я голос, прикидывая с легкой оторопью, что будет, если Ванька решит этим ножиком в школе похвастаться. – Ванька, пошли.

– Пока, дядь Семен, – послушно кивает Ванька, встает, подхватывает контейнер и топает к углу больницы.

Я, напоследок выразительно покрутив пальцем у виска, чтоб показать Иванычу, что я думаю о его воспитательных инициативах, иду следом.

Ванька притормаживает на ходу, чтоб попасть в мой шаг, сопит и, похоже, дуется. Но мне до его настроения вообще никакого дела нет, я все правильно сейчас сказала. Не в послевоенное время живем, чтоб ножички с собой таскать. Хотя, у моих сверстников, например, тоже были... Но это же детдом, там нравы другие...

– Ты все, доработала? – спрашивает Ванька, старательно глядя в сторону.

– Да. Только сдамся. Я на маршрутке поеду, тебя до дома проводить?

На улице еще не темно, но я все равно почему-то беспокоюсь, как он пойдет один совсем.

– Не-е-е... – Ванька сопит еще сильнее, и все в сторону смотрит, а потом, когда мы уже подходим к больничному крыльцу, выдает, – можно я у тебя сегодня переночую?

Ого... Не приваживай, значит, да, Ань? Классно у тебя получается, ничего не скажешь...

– А что случилось?

Так и знала, что не просто так он тут у меня появился!

Тяну его ближе, приподнимаю за подбородок, вглядываясь в печальные глаза. И прямо по сердцу режет от их выражения. Тоска такая...

– Ниче... – он пытается отвести взгляд, вырваться, но я

не пускаю, уже тверже говорю:

– Ванька! Колись! Что? Обидели тебя? Кто-то... Из взрослых?

– Хрена меня обидишь! – независимо дергает он плечом, выворачиваясь все же, отступает на шаг, – я сам кого хочешь...

– Вань... – прерываю я его попытку в “все нормально, я крутой пацан”, – говори давай, а то мне сдаваться еще.

– Да ничего! – с досадой закатывает он глаза, – просто... Ну... Мать нового ёб... Ну, то есть, мужика нового привела...

Он замолкает, отворачиваясь, и я с дико смешанными эмоциями смотрю на поникшие плечики. Невероятно жалко его становится, до боли в сердце. Мои родители тоже злоупотребляли, и я успела насмотреться, пока дед с бабкой не забрали к себе, но эта сторона взрослой жизни благополучно прошла мимо тогда. А вот его не миновала...

– Слушай, – я шагаю к Ваньке, поворачиваю его к себе, блокируя неуместный порыв обнять поникшего одинокого ребенка, пожалеть. Не надо этого, Ань. Не надо... – Ты понимаешь, что мама будет переживать... Я же тебе никто. Чужая.

– Ты не чужая, – бормочет он, все так же не глядя в глаза, – ты меня в полиции отмазала... И вообще... А мать даже не заметит...

А вот это вполне реально.

Я на мгновение представляю, что именно может сейчас происходить у Ваньки дома, и становится вообще не по себе. Ну вот как быть?

Отпустить его, заведомо зная, что ему там угрожает опасность? И что он до утра не уснет, скорее всего? А забрать? Ну куда? Как? Чужого ребенка... Блин, Аня, не делай этого... Твоя хата с краю всегда была...

– Ладно, – с удивлением слышу я свой голос, словно со стороны, – поедem к тебе, предупредишь маму, что будешь ночевать у меня. Если отпустит, тогда поедешь...

– Да она не заметит даже, – кривится Ванька, но я говорю еще более твердо:

– Надо предупредить, Вань. Мама будет переживать.

Он, помедлив, кивает, заметно веселея. В глазах появляется опять забавное выражение всегда готового к озорству ребенка, от которого светлеет на сердце.

Наверно, правильно я сейчас сделала?

Или нет...

Глава 6

Мы все из детства, мам, ты знаешь...

Мы все – смешливый наивняк.

Внутри себя не поменяешь.

Внутри... Снаружи – только так.

Мы в детстве падали, держала

Земля, как твои руки, мам.

И мы с болезненным оскалом

Неслись лечиться по домам.

А ты с зеленкой дула ранку

И утирала слез ручьи.

Во взрослой жизни дико странно

Не чуют больше рук твоих.

Самим вставать, самим пытаться

Зеленкой мазать, кровь стирать...

Мам, как бы я хотел остаться

Там, где могу тебя обнять,

Где я могу опять заплакать

И знать, что вытрешь слезы ты.

Мам, почему ты не сказала

Как больно падать с высоты?

М. Зайцева. 4.01.2023

– Аньк, к тебе там твой пацан, – говорит санитар Вовчик, входя в сестринскую и кивая на входную дверь.

Я дописываю результаты замеров давления в журнал, встаю и иду к выходу.

Ванька сидит на крыльце, стругает небольшой брусочек, подобранный тут же, на территории больницы.

Кривлюсь мимолетно, думая, что у Иваныча явные зачатки Альцгеймера, раз все же сунул ребенку ножик.

Заметив меня, Ванька торопливо сует нож сначала в ножны, а затем в карман и поднимается.

– Я говорила, чтоб не таскал его с собой? – сурово спрашиваю я, кивая на карман, – не дай бог порежешься или кого-то порежешь!

– Да я че, больной, что ли? – изумляется Ванька, – я же знаю, как обращаться.

– Давно ли? – вздыхаю я, но разговор перевожу в другое русло. Нож в любом случае не отберешь у него теперь, чего зря переводить слова? Это я потом Иванычу еще пару ласковых скажу непременно... – Как дела?

– Нормально, – солидно кивает Ванька, – вот, пятерку получил... По физре. И по пению.

– А по русскому? – уточняю я, не желая очаровываться пятерками по указанным предметам. – У вас же тест был? Итоговый? За год?

– Тройбан... – вздыхает Ванька, – но я не виноват! Просто времени мало было!

– Ах, ты еще и поешь... – вспоминаю я известный анекдот про папашу и его сына двоечника, но больше никак не

комментирую.

В конце концов, тройка в финале, учитывая стабильные двойки по всем четвертям, это даже и неплохой результат. А я не его мать, чтоб стыдить. И без того... Слишком уж все.

С того дня, как Ванька, предварительно забежав домой и прямо при мне отпросившись у еле ворочающей языком матери, остался ночевать в моей квартире, прошло три недели.

Учебный год практически завершен, и зачем бы мне нужна эта информация? А вот внезапно опять школа возникла с моей жизни, со своим, полностью забытым ритмом...

Ванька за это время стабильно ночует у меня три раза в неделю, и я не могу, да и не хочу, на самом деле, как-то этому препятствовать. С того момента, как увидела происходящее в квартире его матери, моральных сил просто не стало.

Не должен ребенок жить в таких условиях! Просто не должен видеть и слышать то, что видит и слышит Ванька! Не должен, и все тут!

К сожалению, сделать с этим я ничего не могу.

Конечно, наверно, стоит писать заявление в соответствующие инстанции, чтоб Ваньку забирали оттуда и определяли в детдом, но... Но я сама в детдоме росла и точно знаю, что там ему лучше не будет. Физически, быть может, а вот эмоционально...

Несмотря на это, я все же пыталась. Еще две недели назад пробовала аккуратно поговорить с мальчиком о том, что, может, ему будет лучше не с мамой... Но Ванька, моментально

определив, к чему ведет разговор, раскричался, заявив, что никуда он не пойдет, никакие детдомы ему не нужны, а будет жить с мамой, а я с такими разговорами могу идти на... Ну вот прямо туда и послал. А потом сбежал, хлопнув дверью и оставив меня в полностью разобранном состоянии.

Я тогда еще подумала, что за что боролась, на то и напоролась. Дура. Не надо было этого начинать. Не надо было привечать чужого ребенка.

Жила себе спокойно, горя не знала... А теперь вот сердце болит...

Ванька объявился через три дня, придя к крыльцу больницы и дождавшись, когда я завершу.

Я вышла, и, утомив радостно трепыхнувшееся сердце, которое все эти три дня постоянно давало сбои при воспоминании о Ваньке и всей сложившейся ситуации, посмотрела на него, насупившегося и хмурого.

– Ты это... Извини меня, – пробубнил он, не глядя в глаза, – я просто... Ну... Мама, она хорошая... Она просто болеет... И, если я уеду, кто за ней присмотрит?

Глава 7

У меня все внутри перевернулось в этот момент, горло заклокотало слезами. И даже понять толком своей реакции не смогла тогда, такая жалость затопила, такая ненависть ко всему, к ситуации этой глупой, к его матери, ко всей этой гребанной жизни, в которой такие вот мальчики на полном серьезе говорят такое о своих родителях.

Еле-еле слезы уgomонила тогда, клянусь!

Я, казалось, давно уже и прочно забывшая о том, что это такое, слезы, плакавшая последний раз на похоронах деда и бабушки, как в сказке, умерших в один день, в тот момент изо всей сил давила в себе эту жалость, эту топкую нежность к чужому ребенку, такому чистому и сильному.

Не помню, что говорила, с трудом сглотнув ком в горле, кажется, что-то нейтральное, деловое даже. И жизнеутверждающее, потому что Ванька, похоже, ожидавший справедливого “от ворот поворота”, расслабился, разулыбался и выдохнул. И я с ним выдохнула, словно рубеж какой-то перешла. Грань невидимую, но осязательную.

После этого жизнь потекла в прежнем режиме, Ванька по-прежнему приходил ко мне каждую смену практически, ошивался с Иванычем, живо пристроившим его к физическому труду, лопал еду моего приготовления, я теперь специально носила два контейнера на всякий случай, и, в целом, при-

мелькался моим коллегам.

Дима, который в самом начале пару раз приподнимал удивленно бровь, видя меня рядом с Ванькой, после нескольких неудачных попыток разговоров и расспросов, отвял, похоже, решив, что я окончательно двинулась башкой и переехала в категорию старых дев. Только вместо кучи кошек завела себе мальчишку, будущего трудного подростка.

Остальные вообще ровно на это все смотрели. Кому интересна чужая жизнь? Или чужой ребенок?

За эти три недели я еще умудрилась разобраться с Ванькиным приводом в полицию, сгоняв на встречу в владельцем той самой точки, продавец которой обвинил Ваньку в воровстве.

Владелец, молодой парень с красивым именем Родион, оказался вообще душкой и очень позитивным чуваком. Он легко согласился забрать заявление, выслушал мои благодарности и пригласил на кофе.

От кофе я отказалась, но телефон свой дала, и мы вот уже неделю периодически переписывались в ватсапе. Не скажу, что сильно вдохновлялась, но почему бы и нет? После Димы у меня были только одни совсем недолгие отношения, как-то быстро сошедшие на нет из-за моей вечной занятости и усталости. Парню нужно было, чтоб я поддерживала его увлечения ночными клубами и бильярдом, а мне нужно было тупо добраться до постели. И вовсе не в его компании. Так что не сошлись биологическими ритмами, можно сказать.

Здесь, с Родионом, пока еще ничего не выстраивалось, но болтать с ним было прикольно. Правда, Ванька ревниво косил глазом, когда телефон заливался бесконечным треньканьем от входящих сообщений, но пока что благоразумно молчал.

И это правильно.

Без того косяк ходячий, двоечник, так что нечего нарываться.

Вот и сейчас терпеливо сносит мою иронию, впрочем, он вряд ли знает этот анекдот, а потому просто настороженно ведет ухом, но не высказывается.

– Ладно, гуляй, у меня еще два часа смены, – командую я ему, – потом уроки делать будем.

– Да какие уроки! – обиженно вопит он, – каникулы!

– Да? – надо же, точно... Последний учебный день же...

Все на свете забудешь тут с этим ритмом жизни...

– И я, к тому же, на минуту всего, – говорит он мне солидно, – а потом на работу.

– На какую еще работу? Когда успел?

Я, конечно, в курсе, что Ванька периодически подрабатывает. То флаеры раздает, то листовки расклеивает.

Но в последнюю неделю он подналег на учебу и, после настойчивых разговоров, принял решение пока что не работать.

Так что его слова для меня неожиданность.

– А я устроился курьером!

– Куда еще?

– В фирму, – очень важно говорит Ванька.

– Да что еще за фирма-то? Вань! Как они тебя взяли, несовершеннолетнего?

– Нормально взяли... – надувается он, – так и знал, что ты будешь выговаривать...

– Вань... – пытаюсь объяснить я, – это странно очень, ты понимаешь? Они тебя на договор взяли? Ты его подписывал?

– Нет... Сегодня первый пробный день. На три часа всего.

– А что разносить?

– Бумаги только.

Я молчу, обдумывая ситуацию. Странную, конечно. Нет, с одной стороны, такой работник и по зарплате выгодный, но с другой...

– Ань, – появляется на пороге Вовка, – бегом!

И я срываюсь с места, едва успев потрепать Ваньку по вихрастой башке.

Пока мы с сурово сжимающим губы Димкой повторно реанимируем больного, у которого на ивл “стукануло” сердце, проходит время. Затем привозят мужчину со свадьбы с колото-резанным, а за ним приезжает полиция и вязанка болеющих всей душой за него родственников, которых тоже приходится успокаивать и приводить в чувство, короче говоря, мы с Димой впервые за все дежурство садимся только на сдаче смены.

Потом выкатываемся на крыльцо, смотрим друг на дру-

га...

И я молча отказываюсь от предложенной сигареты.

Хотя хочется до ужаса.

– Поехали, до дома довезу, – предлагает Дима.

И у меня нет сил отказываться, ноги реально не держат.

В машине у него приятно пахнет, играет расслабляющая музыка, и я придремываю.

Во сне ощущаю ласковые прикосновения к щеке, шее, это приятно до дрожи. Непроизвольно тянусь за нежностью еще, открываю глаза, когда по шее начинают скользить горячие губы.

Сразу приходит осознание, где я и кто со мной, упираюсь ладонями в плечи Димы, отталкиваю. С трудом, надо сказать.

Дима садится ровнее, смотрит на меня возбужденно:

– Ань... Ну ты чего?

И опять тянется целовать.

– Ничего! Домой, к жене, Дим!

Я торопливо запахиваю расстегнутый ворот толстовки, и когда успел, надо же... И выкатываюсь из машины, не слушая никаких возражений.

Все внутри дрожит, и совсем не от страха. Надо признать, что Дима в этом хорош, лучше у меня не было мужчины. Но это вообще ничего не значит.

О Ваньке я вспоминаю, уже стоя под душем.

Почему-то сердце сбивается от внезапной тревоги.

Он ведь не звонил, я бы увидела пропущенный...

Торопливо вытираюсь, беру трубку, набираю сама. Недоступен. Черт... Да что это?

Хожу по квартире, не находя себе места.

Вот как выяснить, что с ним? Сходить к нему? Да, надо идти! Если дома, то хорошо, успокоюсь. А если нет...

Ох, черт...

Я же даже не знаю, что там за фирма такая, которая несовершеннолетних на работу принимает? И вот сильно сомневаюсь, что Тамара, его мама, в курсе.

Но в любом случае надо выяснить.

Собираюсь, вороша влажные после душа короткие волосы, натягиваю футболку на голое тело, сверху черную косуху, потому что май внезапно не радует теплом, забираю телефон и наличку на всякий случай.

Все это время ощущаю внутри дикий напряг, словно все сжалось и никак разжаться не может. Даже трести начинает мелко, мелко.

За окнами давно темно, где он может шататься, маленький такой, незащищенный?

Упорно торможу разгулявшееся воображение, потому что слишком хорошо знаю, что может случиться с маленьким ребенком на улицах города...

Этого не будет, конечно же не будет! Только не с ним! Он, наверняка, просто уснул дома, а телефон разрядился... Он старенький, я свой отдала же, зарядку плохо держит...

Звонок застает меня уже в подъезде.

Вижу абонента и сердце радостно подпрыгивает. Ванька!

– Ванька, засранец! – рывкаю я в трубку со злобой и облегчением, – какого черта?

– Ань, – голос у Ваньки странно хриплый, словно кричал долго... Или плакал... – Ань... Я на Дзержинского, где гаражи, напротив общаги. Ань... Забери меня отсюда...

Глава 8

У меня мокрые волосы в этот момент натурально дыбом встают, еле телефон удерживаю в трясущихся руках.

Хочется дико заорать от страха, выплескивая его на источник этого всего – Ваньку, но сдерживаю себя. Потом. Все потом. Сначала помочь.

– Конкретнее адрес, – хриплю я сквозь спазмы в горле, скатываясь с лестницы и выбегая на улицу.

– Не знаю... Тут общага, я напротив первого подъезда примерно, только через дорогу, в гаражах... Ань, только тихо, я посижу, сколько надо... Или вообще, Ань, не ходи! Бл... Черт, Ань, я ступил, не ходи! Я сам!

Ванька срывается на слезы, умоляя меня не ходить, но я уже на улице, бегу в сторону Дзержинки. Самая длинная у нас в районе улица, с одной стороны сплошь застроенная многоэтажными гаражами. На первых этажах этих гаражей – множество самых различных офисов, в основном, строительных фирм, всевозможные кровли, окна, замки, жалюзи и прочее.

Общага, про которую говорит Ванька, прямо на моей остановке, тут повезло, добегу за пять минут.

– Ваня, я полицию сейчас... – на бегу шепчу я, но парнишка вдруг начинает плакать еще громче:

– Не! Аня! Нельзя! Нельзя! Анька! Не ходи, я сам сей-

час... До утра пересижу и выберусь... Они и не заметят...

Они?

Боже, да во что ты вляпался, мелкий засранец?

– Не отключайся, – торопливо шепчу в динамик, – я уже рядом...

– Телефон садится...

– Я успею.

Я реально уже рядом с общагой и теперь бегу вдоль нее, высматривая номера подъездов.

Ага, вот первый!

На удивление, на улице, обычно оживленной, народу никого, хотя общага эта – реально криминальная, тут постоянно какие-то драки, крики бесконечные. И народ с нее у меня в реанимации – постоянные клиенты.

Но сейчас темень, единственный фонарь у подъезда не горит. Только у пешеходного перехода тревожно мигает желтый свет, сигнализируя о том, насколько поздно уже.

Хорошо, что волосы у меня мокрые и потому темные, не отсвечивают, и одета я в темное, не сразу заметишь в полумраке.

Перебегаю улицу, останавливаюсь, оглядываюсь.

Тишина и темнота. Пугающие.

– Вань? – шепчу в трубку, – куда идти от остановки?

– Вправо, – хрипит он, – только осторожно... Я за третьим офисом, за баннером с окнами.

Иду, стараясь ступать бесшумно и прятаться в еще боль-

шей тени от стен офисов.

И, внезапно услышав мужские голоса, прижимаюсь к стене, укрываясь за высоким крыльцом с вычурными решетками перил.

Мужики идут, подсвечивая себе путь фонариками, не скрываясь, переговариваются:

– Со стороны “Одина”, наверно, сквозанул, щенок.

– Ну и ладно... Все равно найдем. Данные на него подними.

– Да, не денется никуда.

Мне от этой их короткой беседы становится дико не по себе, задерживаю дыхание, успокаивая дрожь во всем теле.

Они ведь Ваньку моего ищут. Точно его. Черт...

Да куда же он влип?

Одно хорошо, судя по разговору, не нашли. Но вот намерения их...

Пережидаю, пока мужики пройдут, тихо скольжу дальше, выискивая указанные Ванькой ориентиры.

Справа мелькает белый прямоугольник баннера в виде здоровенного пластикового окна, иду к нему.

– Ванька, – аккуратно зову в темноту, – ты здесь?

– Анька... – хлопает мрак, – Ань...

И я несусь на это горестное хлопанье, забыв обо всем на свете.

Забегаю за здоровенный, сделанный из пластика и железа баннер и вижу Ваньку, скорчившегося прямо на земле.

Он лежит в позе эмбриона, и у меня все внутри обрывается. Ранен? Ударили?

Падаю на колени, аккуратно трогаю, пытаюсь понять характер травм, шепчу:

– Ваня... Ванечка... Ваня...

И он тянет ко мне руки, со всхлипом обнимает за шею, сопит жалко и тревожно.

– Вань... Тебя ударили? Покажи, где? – я его придерживаю аккуратно, судорожно соображая, что дальше делать. Его надо в больницу... Явно что-то не то...

Но Ванька садится, не отлипая от моей шеи, выдыхает пару раз, сопит:

– Все нормально... Я просто... Прыгал, а потом бежал сильно... А потом споткнулся, упал... И чего-то не смог встать... А сейчас могу... Анька, пошли отсюда скорее, слышишь?

– Точно, Вань? Давай в больницу. Хочешь, к нам? Там Димка сегодня...

– Вот уж нехер к этому придурку, – бурчит Ванька, отрываясь от меня и ошутимо приходя в себя, – пошли домой.

– Вань...

– Давай скорей, Ань, а то вдруг они вернутся?

Напоминание о непонятных мужиках делает свое дело, я встаю, помогаю подняться Ваньке, и мы тихонько, постоянно останавливаясь и прячась по углам от каждого шороха, идем ко мне домой.

Я с тревогой отмечаю, что Ванька хромает, и сильно, похоже на ушиб. Но все явно не так печально, как мне показалось с первого взгляда.

И не спрашиваю больше ни о чем.

Главное, довести его до дома. А там уже разберемся со всем.

Глава 9

В квартире я сразу засовываю Ваньку в ванную, несмотря на сопротивление и писк, раздеваю до трусов и внимательно осматриваю на предмет повреждений.

К огромному облегчению, ничего, кроме небольших ссадин на руках, наливающегося краснотой синяка под глазом и содранных коленей, не нахожу.

Умываю парня, обрабатываю все ранения, переодеваю в свою футболку и шорты, которые ему практически впору, и, пока натягивает на себя мое шмотье, бурча, что вообще носить бабское западло, иду на кухню, чтоб согреть чай и нарезать бутеров.

Ребенок перепуган, напряжен. Его надо обогреть, накормить, а потом уже и спрашивать.

Явно ведь во что-то вперся, не зря же его эти мужики искали... И говорили про его данные что-то...

Черт...

Замираю прямо с ножом в руке, осознав простую мысль: раз говорили про данные, то, значит, в курсе, кто такой Ванька... И пойдут к нему домой. Что он такое сделал? Утащил что-то? Скорее всего. Иначе, с чего бы им искать?

Придумав себе логическое обоснование произошедшего, начинаю заочно злиться. Ну вот как так? Я же его только что отмазала от полиции! И тут опять!

Неужели, наврал мне про телефон?

Ну, если наврал...

Ванька появляется из ванной, умытый, невероятно забавный в моей белой футболке и шортах с котятами, купленных по великой синей дыне два года назад в Сочи.

Алчно блеснит глазами на колбасу на столе, неловко улыбается.

И я, помимо воли, чувствую, как злость уходит.

Господи, это же ребенок... Ну что он может такого сделать?

– Садись, – киваю ему на стул, перед которым на столе стоит чашка с чаем.

Ванька не заставляет себя долго ждать, садится, хватается бутерброд с колбасой, отхватывает щедрый кусь, жует.

А я сажусь напротив, смотрю на него, увлеченного едой, и чувствую, как только теперь отпускает пружина в сердце, что сжалась, когда услышала по телефону его испуганный слабый голос.

Все хорошо, он в безопасности, вон, аппетит есть... Значит, все завершилось благополучно. Конечно, я ему мозги пропесочу, особенно, если выясню, что он виноват в ситуации, но Боже мой, как славно, что все обошлось!

Дожидаюсь, пока Ванька насытится, и приступаю к допросу.

– Да, блин, я сам не понял... – отводит Ванька взгляд, и я убеждаюсь в правильности своей догадки. Что-то стащил!

– Что стащил? – спрашиваю, не давая быстро придумать правдоподобную версию событий.

– Да ты че? – давится Ванька чаем, – да я никогда! И вообще!..

Я торопливо прекращаю попытку в возмущения, перебивая собирающегося разойтись праведным гневом мальчишку:

– Тебя искали двое мужиков, согласишься, просто так не стали бы бежать и искать... Вань, рассказывай все, как есть. Давай. Без вранья.

– Да блин... – опять отводит он взгляд, – я вообще ступил, что тебе позвонил... Нахера втягивать? Сам бы все решил... Отлежался бы и свалил...

– Так, – у меня иссякает терпение. Ну вот что за ребенок такой, клещами из него все вытягивать приходится! – Или ты мне сейчас же все рассказываешь, или завтра я иду в полицию. В конце концов, гонять детей ночью по улице у нас карается законом!

– Не-не! Не надо полицию, ты че? – возмущается Ванька, но я смотрю неуступчиво, и он, помявшись и тоскливо вздохнув, наконец, сдается и начинает рассказывать.

– Ну, ты помнишь, что я в фирму устроился курьером?

– Допустим.

– Ну вот... Я три часа бегал по поручениям, и начальник, Василь Митрич, говорил, что молодец. И потом поручил мне сгонять в эту фирму, на Дзержинке... И не просто отнести

пакет, а дожидаться, когда ответ отдадут, и обратно в офис принести. Ну, я пошел, хотя не радовался ни хера, потому что офис фирмы на обводной, блин, и мне назад пилить уже по темени, но все равно, думаю, надо сделать, чтоб пройти испытательный срок... И мне обещали сразу за день платить... Короче, пришел в эту фирму, а мне говорят, сиди жди. Ну, я сижу жду. А потом захотел в туалет... спросил у тетки какой-то, где, она и махнула в сторону коридора. Я пошел... И смотрю, в одном офисе два мужика сидят, разговаривают... А перед ними бабки, много. Стопками прям...

– А что, прямо при открытой двери сидели? – уточняю я, уже предчувствуя что-то на редкость нехорошее.

– Ну, допустим, нет... – говорит Ванька, – я дверь открыл... Они на меня вытаращились, а потом один начал бабки убирать, а второй орать, типа, кто я такой и вообще... Ну, я и рванул...

– И все?

– Нет... – вздыхает Ванька, – я не убежал... Они меня поймали...

Он сопит какое-то время, вводя меня это паузой в шоковый ступор.

– И посадили в комнату, отобрали телефон, спрашивали, кто я такой... Я сказал, что случайно вообще, в туалет захотел, что курьер и уйду, никому ничего не скажу... А они сразу так: “А че ты никому не скажешь?”. Я и говорю: “Ничего не скажу. Не видел ничего... Ни вас, ни бабок...”. А они...

Посмотрели друг на друга... И ушли. И дверь закрыли на замок...

– Ох... – вырывается у меня сочувственно, потому что представить только могу, как он испугался, бедный.

Но Ванька удивленно смотрит на меня, потом говорит:

– Да ты че? Все нормально! Я посидел чуток, подергал ручку, поорал... Голос, вот, сорвал немного... А потом мужик дверь открыл, хотел че-то сказать, а я его с разбегу толкнул и выбежал! И по коридору, но не на выход, а в другую сторону. Тот мужик орал лежал, я его... ну... сильно уронил, а я смотрю, телефон мой лежит на столе в одной комнате, я его схватил, в комнате этой дверь закрыл изнутри, думаю, если ломиться будут, позвоню в полицию, хер с ним... А тут окно, я в него и на улицу. Побежал, бежал, бежал, потом упал. Да так, что реально в глазах потемнело... Башкой ударился...

Я тут же, хмурясь, начинаю ощупывать его голову, смотреть зрачки, но никаких признаков сотрясения не нахожу.

– Да нормально все, – вырывается от меня Ванька, – вот и все. Пришел в себя, хотел встать, а не могу! Все кружится... И потом слышу, ходит кто-то, светит фонарем... И голоса. Прямо меня ищут... Я испугался так, Ань...

Тут голос его начинает подрагивать, и я, поддавшись внезапному порыву, обнимаю мальчика, прижимаю вихрастую голову к груди.

Он тут же затихает, сопит только и шмыгает носом. Слы-

шу, как часто-часто стучит его сердце, и в груди становится тесно. Он так напугался сегодня... Твари какие! Твари просто! У него синяк под глазом! Явно били его! Просто не говорит!

– Ванька... Не переживай. Их найдут, накажут... Завтра в полицию пойдем...

Ванька тут же начинает барахтаться в моих руках, а, когда отпускаю, злобно вытирает мокрый нос кулаком:

– Сдурела? Никакой полиции!

Глава 10

– Это еще почему? – недоумеваю я, – Вань... Они совершили преступление, я не знаю, как правильно статьи называются, но они не должны были тебя удерживать, гонять, бить. Это они же?

Киваю на синяк под глазом, и Ванька тут же неубедительно начинает врать:

– Не... Это я сам... Об ручку...

– Вань, – теряю я терпение, – все, разговор окончен. Завтра идем в полицию.

– Нет!

Он отворачивается и всем своим видом показывает, что не уступит, а я понять не могу, в чем причина такого поведения, и злюсь.

Ну и, конечно же, совершаю ошибки на этой злобе.

Вспоминаю внезапно, кто тут у нас взрослый, встаю и говорю четко:

– Так, я не собираюсь с тобой спорить, понял? Завтра в полицию пойдем. А пока что – спать!

Ванька поворачивается, смотрит на меня неожиданно взрослым, уставшим взглядом, хочет что-то сказать, но не говорит.

Поворачивается и молча идет в комнату, к дивану, который облюбовал с первого раза своей ночевки у меня.

Я порываюсь что-то сказать еще, но он своим взглядом обрубаёт все мои попытки.

В итоге, я, закинув его одежду в стиралку с сушкой, просто иду спать.

В конце концов, это просто детские капризы и ничего более.

Я что-то заигралась в демократию, это неправильно... Завтра попробую еще раз поговорить, а, если не получится... ну, значит, просто своей волей все решу.

Это вообще за гранью же: гонять десятилетнего ребенка ночью по улицам города, бить его, пугать... Да что бы он там ни увидел... И вряд ли что-то он такое увидел... Скорее всего, просто хозяин приехал выручку забирать, пересчитывал. Может, черный нал даже. Конечно, такие вещи светить не хочется, но он же мальчик маленький! Зачем было хватать, запирать? Кому бы он что сказал?

Нет, такое надо наказывать, совсем распоясались!

С этими мыслями я засыпаю, а утром обнаруживаю, что Ваньки нет.

Пробегаю по квартире, в легкой панике зовя мелкого засранца, но бесполезно. Его вещей в стиралке и телефона тоже нет.

Начинаю названивать, злобно скалясь и готовясь отругать бесовестного по полной программе, но абонент недоступен.

Черт!

Со злости выбиваю сигарету из пачки, даже прикуриваю,

но, опомнившись, выкидываю ко всем чертям.

Нет уж! Столько держалась!

Надо просто успокоиться и выяснить, куда этот свиненок срулил. Наглый какой...

И вот тут бы мне остановиться. Вот прямо тут.

Оставить все, как есть.

Он кто тебе, Аня? Кто? Никто.

Так ведь и знала, что будут проблемы с ним! Знала, что не надо приваживать! Ну какого черта вообще?

У тебя сегодня выходной. Отдохни, блин! Смена вчера была бешеная, а вечером сюрприз в виде гонки по пересеченной местности, служба спасения заплутавших школьников, чтоб ее!

Ну не хочет он в полицию, и ладно! И бог с ним!

Сбежал... Неблагодарный свиненок. Я за ним бегать не буду!

Я злюсь дико, ругаюсь, себя ругаю и Ваньку.

И еду в его школу. Потому что надо же выяснить, что с ним все в порядке? Он вчера говорил про каникулы, возмущался очень насчет уроков, но сегодня двадцать восьмое мая, середина учебной недели... Проверить не помешает.

По пути приходит сообщение от Родиона: милый утренний котенок, приветственно машущий лапкой.

И до того он сейчас не в тему, что только морщусь досадливо, убирая телефон в карман.

В школе, уже наполовину опустевшей из-за того, что на-

чальную школу распустили на каникулы, какое-то время вязну на вахте, потому что посторонних взрослых не пускают без пропуска теперь, а еще бахилы нужны, маска... Черт, а перчатки с шапочкой не нужны, случайно?

Весь этот бред затягивает время, и я попадаю к классному руководителю Ваньки только через пятнадцать минут.

Строгая женщина в очках, осматривает меня, от носков ярких кроссов до выбеленной, взлохмаченной макушки, выразительно поджимает губы, зля этим еще больше. Я прекрасно знаю, как выгляжу, знаю, что, без медкостюма вообще незначительная и настораживающая фигура в пирсинге, татухах и лихой стрижке, но, в конце-то концов!..

– Пересветов сегодня не пришел, – с неудовольствием говорит она после моего вранья про двоюродную сестру матери, подтверждая опасения насчет самовольно начатых Ванькой каникул, им, оказывается, еще два дня учиться! – Предупреждения от его матери тоже не было никакого, что и неудивительно... – продолжает учитель и делает долгую, многозначительную паузу, – и вообще, с ним сложная ситуация...

– Да, я знаю, – киваю я, не желая сейчас вступать в разговор про недостатки воспитания Ваньки. Его в школе не было, и это уже плохо. Очень плохо! Хотя, если изначально не собирался два дня дохаживать...

– А если знаете, почему меры не принимаете? – спрашивает меня классный руководитель, – в конце концов, он вам

не чужой...

Я торопливо прощаюсь, пообещав принять меры, и выхожу из школы в полном раздрае.

Надо к нему домой. А потом, если его там нет, то в эту фирму... Черт! Почему я вчера не выяснила адрес? Вот как теперь искать?

Ну, Ванька! Поймаю, отпорю! Раз уж не чужой теперь!

Главное, найти... И чтоб ничего не случилось с ним, маленьким засранцем...

Глава 11

– Он в школе, – моргает пьяно Тамара, держась за дверной косяк и бессмысленно глядя на меня. Она явно меня не узнает, опьянение достигло такой стадии, что только моторные функции работают.

– А где его друг живет, у которого он в игры играет, не знаете?

– А он к кому-то ходит играть? Я же запрещала! Вот засранец...

Я киваю, понимая, что выяснять, приходил ли Ванька домой сегодня, бессмысленно, разворачиваюсь, чтоб спуститься, а Тамара кричит вслед:

– А ты со школы, что ли? Так у нас все хорошо! Чего ходить? Таскаются тут всякие... Работали бы лучше...

Я слышу ее затихающий голос, все быстрее летя по лестнице вниз, перескакивая через ступеньки.

Черт, может, Ваньке реально в детдоме будет лучше? Нас там хотя бы по головам каждый вечер пересчитывали...

Следующим пунктом полиция. Ребенок пропал, должны же они хоть как-то реагировать?

Пытаться искать фирму, которая находится в заднице мира, на обводной, смысла нет.

– А вы ему кто? Мать? – устало спрашивает меня дежурный, не спеша давать бланк заявления о пропаже.

– Сестра матери, – решаю я не отходить от легенды, – двоюродная.

– Заявления принимаются от родственников. Почему родители не пришли?

– Они... Не могут...

Дежурный смотрит на меня, затем вздыхает:

– Ладно, давайте документы.

Протягиваю свои.

– И ребенка.

– Но... У меня нет...

– А вы точно родня? – он поднимает телефонную трубку, изучает мой паспорт и говорит, – Васин, глянь данные на Северову Анну Викторовну, сейчас пришлю тебе ее данные. И степень ее родства с Иваном Пересветовым, ребенком, год рождения две тысячи...

– Не надо, – быстро говорю я, – я передумала пока! Может, сам найдется... Отдайте мне документы!

– Отбой пока, Васин, – дежурный кладет трубку и отдает мне паспорт.

Он явно хочет что-то еще сказать, но я выметаюсь из отделения на полной скорости, злая, как черт и расстроенная. С полиции станется вместо поиска ребенка просто меня задержать!

Оглядываюсь, пытаюсь успокоиться.

Что делать сейчас, непонятно. Где искать этого мелкого гаденыша, тоже.

Сажусь в соседнем дворе на лавочку. Надо выдохнуть, Ань. Надо собраться с мыслями. Может... Может, пойти туда, на Дзержинку? Просто посмотреть, что там такое... Но Ванька, опять же, не назвал номер офиса, куда носил документы, это я так бог знает сколько буду ходить. И бог знает, что искать...

Телефон звякает новым сообщением от Родиона: "Пойдем сегодня в кино?"

Едва сдерживаюсь, чтоб не раздолбать старенький ксяоми об асфальт, до того это все не вовремя!

Сигарета в пальцах сама собой возникает, клянусь, даже не понимаю, откуда!

Но после первой затяжки становится легче. В горле першит с непривычки, но в голову дает. Черт... Нихрена у меня не получается. Слабая, никчемная. Ни силы воли, ни терпения. Ни мозгов. Вот какого, спрашивается, наорала на него вчера? Возомнила себя взрослой и умной... Дура!

Опять звякает телефон. Блин, я этого дурака сейчас прокляну!

Но номер незнакомый.

"Зайди сегодня ко мне в подсобку, дочка. Иваныч"

Сигарета летит в урну, вскакиваю, перечитываю сообщение. И облегчение топит жаркой волной по телу.

Иваныч! Ну конечно! Как же я не подумала? К кому еще мог пойти Ванька? Хочу набрать, но торможу, соображая, что Иваныч не просто так сообщением прислал, значит,

втайне от Ваньки... Позвоню, спугну.

На работу добираюсь на такси, выбегаю, сразу мимо крыльца реанимации, где стоит и курит Вовчик.

– Эй, Ань, ты чего тут? – кричит он мне, но я только отмахиваюсь досадливо, надеясь, что из каморки Иваныча не слышно голоса санитара.

На подходе чуть торможу, переводя дыхание и приглаживая, казалось бы, навсегда вставшие дыбом волосы.

И старательно прячу от самой себя мысль, что Иваныч меня по какой-то другой причине позвал, и Ваньки у него нет в подсобке. Не хочу даже думать, что делать в таком случае... Реанимировать Тамару и тащить в полицию? Только такой вариант...

– Неправильно кидаешь, – слышу скрипучий голос старика, еще даже не заворачивая за угол, – надо за лезвие и этак снизу... Вот.

– Да я так и кинул... – недовольным тоном отзывается Ванька, а мне приходится придержаться за стену, чтоб перебороть внезапную дрожь ног. Нет, я была практически на сто процентов уверена, что он тут, но вот эти мизерные доли процента, что нет, сейчас по коленям и ударили...

Я стою, держась за стену и восстанавливая дыхание, слушаю, как переругиваются за углом Иваныч и Ванька, и пытаюсь найти в себе силы быть взрослой, разумной. Не вынестись, подобно фурии, к ребенку, не наорать на него от души, вымещая собственный стресс и ужас, оказывается, по-

глотивший практически с головой и только сейчас чуть-чуть отпускающий.

Боже... Он мне чужой, но переживаний уже столько, что впору пить что-то покрепче валерьянки, причем, на постоянной основе.

Как себя ощущают люди, у которых такое выкидывают их родные дети, даже представлять не хочется. Там либо постоянно на седативных сидят, либо бухают. Других вариантов, чтоб пережить все это дерьмо, не нахожу вообще.

Глава 12

Мое появление Ванька принимает стоически. Опускает уже поднятую для замаха руку с ножом, поворачивается к Иванычу. Выражения его глаз я не вижу, но, подозреваю, что ничего там хорошего нет.

Иваныч кряхтит и говорит слегка виновато:

– Сынок, ты все равно с ней бы встретился... Я только подтолкнул...

Ванька, судя по тяжкому вздоху, много чего хочет ответить, но сдерживается.

Я подхожу ближе, вообще не представляя, что буду говорить, как себя поведу. По-хорошему, его бы поругать, возможно, дать ремня. Но кто я такая, чтоб это делать? Чужая тетка...

Да и спугнуть можно. Один раз уже наругала, хорошо получилось? Вот то-то.

Ванька поднимает подбородок и смотрит мне в глаза, упрямо сжимает губы.

А мне внезапно становится так жаль его, маленького, бесконечно одинокого... И я делаю глупость, очевидную. Обнимаю. Просто обхватываю за плечи и прижимаю к груди. Почему-то это сейчас кажется правильным.

И жду, что меня вот-вот оттолкнут. Все же, мальчишка на редкость самостоятельный и свободолюбивый. Может не

понять... Взбрыкнуть.

Но Ванька отбрасывает нож в сторону и неловко обхватывает меня за талию, жмет сильнее, сопит. Ощущается, что ему не особенно привычно вот так стоять, обниматься. И что он ужасно по этому тоскует.

Мне все жальче его, буквально до слез, но я мужественно сдерживаюсь, понимая, что вот только заплакать сейчас для полноты картины и не хватает. Да, эмоции прут, отходяняк от бешеного утра, от которого, кажется, вставшие дыбом волосы еще не полностью на макушке улеглись. Легко впасть в это состояние. Но нельзя. Перехватываю неожиданно жесткий взгляд Иваныча, он едва заметно качает головой. И это помогает держаться.

Сглатываю сухой ком в горле и отстраняю от себя Ваньку.

– Ты мне опять наврал, свиненок? – говорю без наезда, грустно, и Ванькина морщина морщится сконфуженно, – у вас еще в школе занятия...

– А ты откуда?.. – начинает он, потом просекает, кривится, – да бли-и-и-н...

– Ну, а что ты хочешь? – удивляюсь я, – ты пропал, на звонки не отвечаешь... Я волновалась... Мама твоя не сказала ничего, в полиции тоже не стали...

– Че? Че? – перебивает он меня, – ты в полицию, что ли, ходила еще?

– Ну... Да...

– Ой, ду-у-ура-а-а-а... – он садится на ветхий стул, кото-

рый Иваныч приспособил себе под место для курения, обхватывает голову руками.

– Почему это дура? – возмущаюсь я, – и вообще... Чего обзываешься? Я волновалась...

– Имя мое сказала? – поднимает Ванька на меня злой взгляд.

И я киваю.

– Б... – он ругается, и прямо по-взрослому так!

Тут же получает затрещину от Иваныча, пока я онемело раскрываю рот. Ничего себе, десятилетний мальчик... Они сейчас все такие, что ли?

На затрещину Ванька не обижается, просто вскакивает и начинает метаться, то в подсобку к Иванычу за телефоном, то обратно, чтоб нож подобрать, тормозит возле меня, режет злым взглядом:

– Я сваливаю.

– Стой! Куда еще? – цепляю его за футболку, чтоб остановить, но он зло дергается, вырываясь.

– Подальше отсюда.

– Да почему? – выхожу я из себя, не понимая ровным счетом ничего.

– Потому что лучше быть в бегах, но живым, – рубит он, отходя на всякий случай подальше, чтоб не схватила.

– Да блин! Объясни мне! Что такое? Полицейский не заинтересовался вообще... И паспорт мой вернул...

– А ты еще и паспорт свой давала? – изумляется Ванька.

И я вообще теряюсь, не понимая причин такого поведения.

Глава 13

– Ду-у-ура-а-а... – потерянно выдыхает Ванька.

– Это что ты себе позволяешь? – уже злюсь я, – я, вообще-то, взрослый человек...

– Да какая ты взрослая? – срывается Ванька на крик, – тебе же сказали, никакой полиции! Какого ты вообще... Они же теперь и тебя найдут!

– Да кто “они”? – равнозначно срывает меня на крик, – те, кто тебя искали вчера? Зачем им вообще это делать? Ты боевиков пересмотрел, что ли? Или в игры переиграл?

Но Ванька меня уже не слышит, садится на все тот же стул, роняет лицо в ладони.

И очень меня этим вышибает. Ощущение потерянности так и фонит, я, забыв про свои обиды, опускаюсь перед ним на колени, аккуратно отнимаю ладони от лица.

С другой стороны садится Иваныч:

– Давай, сынок, говори, что в самом деле случилось. Почему боишься полиции-то? Сейчас не девяностые... Да и тогда за такое бы взыскали...

– Да потому что один из них – полицейский, – несчастно моргает ресницами Ванька.

– Из кого, из них? – уточняю я осторожно, убеждаясь, что мальчишка далеко не все мне рассказал.

– Из тех дядек, что сидели с деньгами вчера, – отвечает

Ванька.

Черт... Если я хоть что-то понимаю в законе, то никакой полицейский вчера не мог сидеть над пачками с деньгами... Взятка? Тогда ситуация чуть более понятна.

– А ты откуда знаешь, что это мент? – уточняет Иваныч, – в форме, что ли, сидел?

– Нет... – шмыгает Ванька, – на плакате, напротив школы, видел его...

– А с каких это пор у нас полицейских на плакатах размещают? – удивляюсь я, – может, ты ошибся?

– Не-е-е... – Ванька машет головой, – я хорошо запомнил. У него еще брови такие... большие.

– Все равно странно... Но ладно. И почему ты думаешь, что в полицию нельзя?

– Потому что они все там повязаны, – Ванька смотрит на меня, как на слабоумную, – наверняка уже мое имя знают, потому что я же оставлял данные в той фирме, где курьером устраивался. И адрес давал... Мамка!

Он порывается вскочить, бежать неизвестно, куда, но я силой усаживаю обратно.

– Думаю, вряд ли что-то угрожает твоей маме, Вань, – мягко говорю я, – когда я сегодня пришла к ней, она меня не узнала... Они от нее точно ничего не добьются, а вредить ей... Какой смысл?

Ванька, послушав меня, чуть-чуть успокаивается, усаживается обратно, а я принимаюсь его гладить по макушке, пы-

таясь сама обрести ясность мыслей и не погрязнуть в этом всем.

Вокруг события все больше напоминают непонятный третьесортный экшн, мимоходом сама себе удивляюсь: с каких это пор моя размеренная жизнь стала такой... насыщенной? Продажные полицейские, ночные погони, расследования... Кажется, что я в какой-то глупой компьютерной игре нахожусь и вот-вот сниму очки виртуальной реальности.

– Так... Но тебе, однако же, где-то надо побыть, пока все не разъяснится... – бормочет Иваныч.

– А где? – горько спрашивает Ванька, – если бы был один, то свалил бы куда-нибудь на дачи заброшенные, в Алексеевку, например, и переждал, пока все не уймется. Но она же себя светанула! – кивает он на меня, – ей-то куда?

– А что со мной будет? – удивляюсь я, – я же ничего не видела...

Ванька и Иваныч смотрят на меня с непередаваемым выражением серьезных мужчин, вынужденных терпеть заведомо глупые женские высказывания.

Под напором этих взглядов я слегка пасую.

– Ну... Это как-то глупо уже... – бормочу, – мы же не в кино...

– Вот именно...

– Слышь, сынок, – говорит Иваныч, – а может батьку твоего привлечь?

Ванька кривится, словно Иваныч ерунду сморозил, а я

удивленно спрашиваю:

– А ты знаешь, где твой отец?

– Конечно, – снисходительно отвечает Ванька.

Глава 14

И вот на этом месте я знатно ох... удивилась, скажем так. Потому что за все время нашего с Ванькой общения, он ни слова про отца не сказал.

Правда, тут надо признаться, что и я не спрашивала про него. Ну, а чего спрашивать, когда и без того все очевидно? Если бы с отцом Ваньки что-то приключилось, например, умер, или мама рассказала сыну, что он был летчиком, космонавтом и так далее, то ребенок сто процентов бы мне про это давно рассказал. Дети обычно не скрывают подобного, делятся. Тем более, такие общительные, как этот засранец.

А раз молчит, значит, или не знает, или мать про него ничего хорошего, кроме мата, не выдавала.

И сейчас очень сильно удивляюсь новости, что Ванька знает, где его отец, знает, кто он, и, самое главное, Иваныч тоже это знает!

Сквозь бесконечное удивление пробивается горькая нота ревности: ему, значит, рассказал, а мне нет? Это почему? Не доверяет?

Но я свою обиду ловлю в зачатках и давлю. Не место и не время. Потом спрошу, если будет необходимость... И возможность.

А пока что нужно основные моменты пробить:

– И где он? – спокойно спрашиваю я Ваньку, – может, в самом деле, у него пересидеть тебе?

И мне... Хотя, я найду, куда деваться... Если вообще это все не ерундистика, которую ребенок напридумывал...

Мне почему-то все еще не верится в серьезность ситуации. Ну смешно же: ребенок кого-то увидел, узнал (и это не факт, кстати)... И что? Это не повод искать нас с собаками везде. Глупость...

– Здесь, – спокойно отвечает Ванька, – в городе.

Н-да. Все более странно...

Наверно, что-то с этим мужиком не так, может, пьет или еще чего-то похуже... И не стоит к нему обращаться, потому что вряд ли отец у Ваньки нормальный человек. Нормальный человек, зная, в каких условиях живет его ребенок, явно с этим бы что-то сделал. А раз не делает, значит, ему на сына плевать. Рассчитывать в такой ситуации на его помощь не стоит...

– Ты не хочешь к нему обращаться? – осторожно спрашиваю я, помня Ванькину внезапную вспыльчивость и не зная, каким образом мои вопросы сработают в этот раз.

– Неа, – дергает он плечиком, отворачиваясь.

– А зря, – влезает Иваныч, – он бы как раз и мог чего-то сделать...

То есть, этот старый хрен знает, кто отец Ваньки? Так, ревность опять не вовремя. Потом, все потом спрошу...

– Вань... – я присаживаюсь перед Ванькой на корточки,

отвожу в сторону со лба упрямую челку, – если твой папа может тебя приютить...

– Да не будет он! – дергается Ванька, – и я не хочу! Гад он и тварь! Мать изнасиловал и кинул!

Ого! Вот это ого!

Теперь понятно, почему Ванька так реагирует... И, опять же, море вопросов... И основной:

– Он... Сидел в тюрьме?

Ванька опять дергает плечом с досадой. Не знает, наверно. Хотя, если бы делу дали ход, то этот урод точно бы сидел...

– А откуда ты его имя знаешь?

– Мать говорила.

– То есть, он... Избежал наказания?

Опять плечом ведет. Не знает. Смотрю беспомощно на Иваныча, не понимая, что делать дальше. Понятно, что отец Ваньки – нам не помощник... Но почему старик дал этот совет? Ведь явно знает об остоятельствах...

Иваныч вздыхает:

– Вань, иди в каморку мою, перекуси, я там сало с хлебушком принес... А потом решать будем, чего и куда.

Ванька встает и, диковато сверкнув на меня взглядом, идет в подсобку.

Не спорит, кстати, совершенно, видно, разговор ему в тягость.

Иваныч прикуривает и кивает мне на угол здания, подальше от дверей.

Я топаю за ним, не удержавшись, жадно вдыхаю запах дешевого курева. Во рту слюна собирается. Черт, вот так один раз позволишь себе слабость и все усилия насмарку...

– Дело тут такое, дочка, – Иваныч, удостоверившись, что Ванька зашел в камрку и точно не услышит, начинает говорить, – отец его – человек непростой... И насчет изнасилования... Я бы сильно посомневался. Ванька эту историю от матери знает, а ей верить, как я понимаю, нельзя... Нет, я не говорю, что она прямо наврала, – тут же добавляет он, видя мою скептически выгнутую бровь, – но и доверять я бы не спешил. В их кругах история с изнасилованием – это пятно на всю жизнь... А у него сейчас такое положение, что если б были пятна, то...

– Да кто он такой? – не выдерживаю я.

– Про Тагира Хазарова слышала?

Я хмурюсь. Имя знакомо, да. Но я не настолько в теме, чтоб сто процентов быть уверенной, что знаю его. Потому мотаю головой отрицательно.

– Бандит? – логично же, исходя из полученной информации.

– Давно уже нет. И человек он известный. Очень. Ты глянь в своих интернатах.

– Гляну, хорошо. А ты его откуда?..

– Ну... Я ж не всегда тут сантехником работал...

– Тогда сразу вопрос: Ванька уверен, что Хазаров его отец?

– Он-то уверен... Но, сама понимаешь, только со слов матери знает. И ненавидит его. А больше-то нигде никаких упоминаний. Фамилия у него материнская, в свидетельстве, подозреваю, тоже ничего нет. И отчество не Тагирович.

– Неудивительно, учитывая, что он ее...

– И вот тут я бы не торопился, дочка. Насколько я знаю, Хазар не тот человек, чтоб вот так поступать...

– А зачем Тамаре врать?

– А вот этого я не знаю, дочка... Но точно могу сказать, если Ванька вляпался и не преувеличивает, то Хазар может помочь.

Глава 15

– Иваныч, – Ванька выглядывает из двери подсобки, прерывая наш не особо информативный диалог, – я тут яблоко увидел...

– О! – Иваныч взглядом просит меня подождать, идет к Ваньке, – там еще груша где-то валялась, сейчас сынок...

Я, пользуясь моментом, выдыхаю, остро ощущая недостаток никотина в крови. Вот так, стоило только разочек грехопаднуть, и все... пипец котенку.

Вспоминаю, что видела санитар Вовчика на крыльце с сигаретой, и направляюсь туда. Один разочек затянусь, снимугу напряг в организме, глядишь, в голове прояснится. А то столько всего, а делать-то неизвестно что...

Заворачиваю за угол к крыльцу и вижу через не особенно плотный больничный кустарник, как Вовчик разговаривает на крыльце с двумя какими-то типами в штатском. Один в кожаной куртке, что по жаре само собой странно, а второй – в ветровке, тоже довольно просторной.

И вот не знаю, почему, но ноги сами тормозят.

Что-то внутри заставляет замереть, прислушаться, приглядеться. Мозг твердит, что я сошла с ума, и что это могут быть вообще посторонние люди: чьи-то родственники, знакомые врачей или самого Вовчика... Да кто угодно, не имеющий никакого отношения ко мне и Ваньке!

А вот задница поет об обратном. И я к ней склонна прислушиваться больше.

Вот и прислушиваюсь.

Слушаю.

Вовчик разговаривает, негромко, особенно ничего не слышно, но, вроде, мирно. Без особенного напряжения, как с малознакомыми или вовсе незнакомыми людьми. Может, что-то объясняет, мало ли, какие могут быть вопросы у людей, стоящих на пороге реанимационного отделения. И я решаю, что просто сошла с ума, нельзя же быть такой мнительной. В конце концов, кто меня может искать? Полиция? Бандиты?

Глупо... Если принимать это все всерьез, то и опасения Ваньки с Иванычем тоже надо на чистую веру брать, а я к этому, как бы, не готова пока. Я скорее склоняюсь к мысли, что эти двое, старый и малый, просто коллективно сошли с ума и делают из мухи слона.

На кой мы бандитам? Реально смешно. И полиции тоже.

Да и откуда бы полиция так быстро меня отследила? Невозможно... Они даже не копировали мой паспорт, только данные глянули... Значит, точно не по мою душу... Вот сейчас подойду, и выяснится, что это вообще какие-то левые чуваки. И тогда только останется только удивляться своей восприимчивости к чужим страхам...

А затем Вовчик машет рукой с зажатой между пальцами сигаретой в сторону угла, из-за которого я только что вывернула, и сердце замирает... Особенно, когда оба мужика

синхронно разворачиваются и смотрят в этом направлении. Невольно задерживаю дыхание, словно они могут услышать за пятьдесят метров. И увидеть.

Что-то внутри еще не верит, молит, чтоб отвернулись, чтоб просто продолжили разговаривать... Ну мало ли, что он там показал...

Но мужики так же синхронно спускаются с крыльца, и я понимаю, что пролететь не получится. Что они точно по мою душу, и по душу Ваньки.

А еще понимаю, что они не имеют отношения к полиции. По крайней мере, того прямого отношения, на которое я все же подспудно рассчитываю. Опосредованное – очень может быть... Лица уж сильно... характерные.

У меня мгновенно выступает пот, а ноги сами, подрагивая, несут задницу к углу, тихо-тихо, так, чтоб не было заметно за кустами никакого движения.

Заползя таким образом в непросматриваемую пока что зону, тут же включаю пятую скорость и несусь к подсобке.

Слышу, как мирно переговариваются Ванька с Иванычем, распахиваю дверь, выпаливаю, едва переведя дыхание:

– Ванька! Ходу!

У мальчишки мгновенно делаются огромные, словно у леопарда, глаза, из которых выплескивается и на секунду топит меня по макушку страх. Ванька вскакивает, роняя порезанное на тарелке яблоко, сует неверными движениями в карман складной нож, делает ко мне шаг, потом обратно...

– Спокойно, сынок, – Иваныч кладет ладонь ему на плечо, тормозя и приводя в чувство и Ваньку и меня заодно, потому что кроме уже сказанных слов, в голове не крутится ничего, вообще никаких мыслей и тем более планов: что делать, куда бежать, как себя вести. – Пришли за тобой? – разворачивается старик ко мне.

Киваю, втягивая с хрипом воздух в сморщившиеся от ужаса легкие и, наверняка, выглядя в этот момент еще хлеще и безумней, чем Ванька.

– Сколько?

– Двое!

– Не менты?

– Нет! Не думаю...

– Так... – он кивает, роется в кармане и кидает мне ключи, – Тимирязевская сорок пять, туда езжайте, дочка. Там, правда, ни условий, ничего, но место тихое.

– Иваныч... – я ловлю ключи одной рукой а второй Ваньку, которого подталкивает ко мне старик, – а ты...

– А я с ними... Поговорю... – Иваныч неожиданно жестко усмехается, и эта усмешка вообще не вяжется с его обычной добродушной старикинской миной, словно из-под маски простого болтливого мужичка проглядывает на мгновение нечто жутковатое, остро-безжалостное... И в голову приходит мысль, что я совсем его не знаю...

Но, несмотря на странные и пугающие метаморфозы, взвалить на себя ответственность еще и за его будущие воз-

можные проблемы из-за помощи нам, не могу, а потому открываю рот, чтоб отказаться, но Иваныч мгновенно просекает мой порыв и успокаивающе кивает:

– Не волнуйся, дочка... Ты, главное, парнишку им не отдавай. А я помогу, задержу чуток. Может, получится не туда отправить... – и, видя, что я еще колеблюсь, опять острее, – быстро, я сказал!

Я больше ничего не говорю, подталкиваю безмолвно сжимающегося под моими прикосновениями Ваньку к двери, и, проверив окрестности и убедившись, что пока что никто до нас не дошел, направляю мальчишку в сторону второй калитки, соединяющей крыло реанимации и соседнего здания, где прячется психдиспансер. Обычно эта калитка закрыта, но только для посторонних и пациентов.

Я бегу следом за Ванькой, успев только напоследок благодарно кивнуть Иванычу, спокойно занявшему позицию на пороге подсобки, но перед тем, как нырнуть в неприметный проход между кустами, все же оглядываюсь, чтоб успеть заметить, как он мягко проводит по заднему карману древних джинсов, явно что-то туда убирая. Что-то небольшое, похожее на... складной нож.

Сердце екает жестким, нехорошим предчувствием и виной, потому что втянули мы с Ванькой ни в чем не повинного пожилого человека в неприятную историю, но тормозить не могу. Была бы одна, то ни за что не оставила бы Иваныча, не позволила ему вставать между мной и проблемами. Но

теперь я не одна, со мной ребенок. Да, чужой, но ребенок. Маленький, одинокий и беззащитный.

Да и в том, что чужой, что-то теперь сомнения берут...

Глава 16

Тимирязевская сорок пять – это в Крестах. В громадном частном секторе, где, кажется, даже почта не в курсе, сколько именно там адресов.

Мы с Ванькой находим нужное место далеко не сразу и какое-то время тупим перед ветхим заборчиком, за которым едва видна из-за зелени многолетних деревьев крыша старого домика.

– Че-то тупо тут, – Ванька, за время дороги вернувший себе привычный вид бывалого опытного парня, презрительно цыкает зубом, и, не обращая внимания на мой неодобрительный взгляд, подходит и мотает штaketину заборчика вперед и назад. Я смотрю, как вся конструкция шатается, вздыхаю. Ничего, главное, чтоб внутри было что попить хотя бы. А то у меня наличных нет, только карточка, а светить ее страшно.

Так быстро если нашли, где работаю, значит, и операции по карте могут отслеживать.

Симку из телефона я уже вытащила и выкинула и из Ванькиного телефона тоже. Будет нужно, купим новые, чуть позже. Когда ситуация хоть немного прояснится.

Сердце не на месте из-за Иваныча. Этот жест его характерный, проверяющий, на месте ли нож, до сих пор перед глазами. Очень надеюсь, что ему ничего не сделают. Старик все же, должно быть в этих скотах хоть что-то человече-

ское...

Пока я думаю, Ванька легко перемахивает через забор и мягко спрыгивает с той стороны!

Я только рот раскрыть успеваю. Правда, опомнившись, шепотом ору, гневно и напуганно:

– А ну вернись! Вернись!

Он хихикает, затем какое-то время шебуршит травой и, наконец, открывает мне калитку.

Я залетаю во двор, захлопываю калитку сразу на засов и, развернувшись, грозно шепчу:

– С ума сошел? Не делай так! А вдруг тут?..

– Да ладно тебе, Ань, – примирительно шмыгает этот засранец носом, – тут же не высоко...

– А если бы тут грабли? Что-то острое? Собака?

– Ну все-о-о-о... – закатывает он глаза и, развернувшись, топает в сторону ветхого крыльца.

Я какое-то время оторопело смотрю ему в спину, соображая, что делать. Надо же внушение... Беседу, там, воспитательную... Вынос мозга...

Прикидываю мысленно саму процедуру и вздыхаю. Не получится из меня родителя. Даже ответственного взрослого не получается, черт... Он меня ни во что не ставит, воспринимает ровесницей...

Ванька, вообще не замечая моего педагогического катарсиса, доходит до крыльца, вставляет ключ в замок и распаивает дверь.

Мне ничего не остается, кроме как топать за ним. Может, как-нибудь потом проведу беседу...

Хотя, это смешно, учитывая нашу тупую ситуацию. Тут бы в живых остаться, а я про воспитание думаю. Слишком вошла в роль родительницы.

Домик маленький, небольшие холодные сени и одна комната, совмещающая кухню, зал и спальню.

Мы зажигаем свет и садимся за стол, покрытый старой клеенкой.

Ванька смотрит на меня, и отблеск от единственной лампы под потолком неожиданно такие тени вычерчивает под его глазами, что мне становится понятно: вся эта резвость, вся бравада – напускное. Это ребенок, он вчера дико испугался, а сегодня... Наверно, еще больше испугался. Такие у него глаза были, когда я забежала в подсобку Иваныча и сказала, что нас ищут... Я неожиданно испытываю огромное желание обнять его, прижать к груди сказать, что все будет хорошо. И я даже делаю какое-то неопределенное движение, но Ванька усмехается, становясь привычным засранцем и показывая, что никаких нежностей от меня не потерпит.

Я сжимаю-разжимаю пальцы, достаю сигареты, потом, опомнившись, убираю.

– Да кури, чего уж, – кривится Ванька, но я упрямо мотаю головой. Нет уж. Не при нем.

– Вань, – вздыхаю, – ты ведь что-то не договорил, да? Что там случилось еще?

Он на миг расширяет зрачки, и я понимаю, что угадала. Логично же, неспроста нас так резво ищут...

– Ты... – медлю, подбирая слова, чтоб опять не психанул, – ты взял что-то оттуда?

Он выдыхает, отворачивается.

Точно. Что-то взял.

Черт...

– Что взял?

– Флешку... – еле слышно говорит Ванька, и я с досадой сжимаю пальцы. И да, достаю-таки сигарету. Как тут терпеть? Ну вот как?

– И где она? Как ты вообще умудрился? И почему сразу не сказал? – голос не удастся проконтролировать, потому что... Ну, блин! Потому что!

– А че они бросили? – взвизывает Ванька, защищаясь, – она там валялась, рядом с телефоном! Я и взял! Случайно!

– Ванька... – выдыхаю я пораженно, – ты – дурак?

– Сама дура!

Так... Понятно, разговор ни к чему не приведет. Надо конструктивно. Надо думать.

– И где она?

– Вот... – он достает из кармана самую обычную флешку, довольно дорогую, это видно, но ничего особенного. О том, что на ней, остается только догадываться, конечно... Но понятно, что ищут в первую очередь ее. И просто отдать – не вариант... Раз так серьезно ищут, то свидетели им не нужны.

Я забираю флешку, верчу ее в пальцах. Надо понять, что на ней, и потом уже танцевать...

Глава 17

У Иваныча мы находим скудный запас еды, воду и старенький мобильный, валяющийся на кухонном столе. Немного подумав, я выбегаю к ближайшему магазину у дома и покупаю на завалявшиеся в кармане двести рублей симку, причем, даже паспорт не требуют, просто так продают. Кре-сты же, чего удивляться...

Вернувшись и реанимировав телефон, звоню в больницу:

– Добрый день, мне бы Иваныча, сантехника.

– А кто его спрашивает? – голос незнакомый, странно немного, но вполне возможно, что на вахте новый охранник сидит.

– Дочь.

– Он в реанимации...

Я глупо таращу глаза, ощущая, как сердце дает сбои. В реанимации... Черт! Черт-черт-черт!!!

Ванька стоит напротив, прекрасно слыша наш разговор, и медленно бледнеет, сжимает губы и изо всех сил сдерживает слезы. Мне хочется его одновременно прижать к себе, успокоить, и в то же время надо узнать, что с Иванычем.

– Что с ним? – голос рвется, глухой и безэмоциональный, в горле сухо. Из – за меня пострадал... Из-за моей дурости...

– Не знаю, говорят, ударили чем-то тяжелым. Туда звоните. Номер дать?

– Нет, спасибо...

Я кладу трубку и тут же притягиваю к себе бледного Ваньку, держу его, обнимаю, глажу по волосам.

Он сопит мне в шею, весь напряженный, каменный.

– Из-за меня, да? – глухо спрашивает меня.

– Нет, Вань, нет, – торопливо отвечаю я, меньше всего желая, чтоб парня терзало чувство вины, но Ванька внезапно отталкивает меня, рвется к двери:

– Из-за меня! Я виноват! Не полез бы... Дурак! И к нему не надо было!.. Дурак, дурак! Он мне нож... А я ему... Пусти!

Он вырывается из моих рук, жесткий и неожиданно сильный, но я держу, уже не пытаюсь остановить слезы, держу, и, в итоге, побеждаю, опять притягиваю его к себе, прижимаю, что-то бормоча успокаивающее. Понятно, что отпускать его в таком состоянии куда-либо нельзя.

– Вань... – тихо, стараясь быть убедительной, говорю я, – надо чуть-чуть подождать... Я сейчас позвоню в реанимацию, но не напрямую, а Вовчику... Он должен знать, он скажет... В конце концов, раз в реанимации, значит, живой...

– Ань, – Ванька, наконец, успокаивается, присаживается на хлипкий табурет, – нельзя звонить... Если они там были, могли бабки за тебя предложить...

– Да ладно, – не верю я, – мы не в триллере же шпионском...

– Ага, – кивает Ванька, – а Иваныч просто споткнулся...

– В любом случае, просто так сидеть нельзя, у меня работа, в конце концов, у тебя учеба и мама... Она волнуется, наверно...

Судя по кривой ухмылке, в последнее Ванька вообще не верит, но молчит. И я замолкаю, ловя себя на том, что жду с надеждой, когда он предложит варианты выхода из ситуации. И, едва понимаю, чего хочу от десятилетнего ребенка, сама от себя офигеваю. Блин, кто тут у нас взрослый, а?

Надо по-взрослому поступать... В полицию все же надо. Не в то отделение, куда я ходила, а в центральное, значит. Или сразу в прокуратуру... Ну не может такого быть, чтоб все везде было куплено! Отдам эту флешку следователю и все. Все тут же прекратится!

Если она такая ценная, пусть за нее органы правопорядка отвечают!

Чего я, в самом деле, с ума-то сошла, бегать принялась? Это все Ванька со своей паникой... И Иваныч... Старый и малый... Если бы их не послушалась, а сразу пригрозила тем страшным мужикам полицией, раскричалась бы, подняла шум... Не в лесу же мы, в общественном месте...

– Надо посмотреть, что на флешке, Ань, – прерывает мои размышления Ванька, – а потом решать, куда ее сдать. И кому.

– А где смотреть? И надо к Иванычу, узнать, что с ним, если уж звонить не хочешь...

– В клуб надо, там глянем, – отвечает Ванька, – а к Иваны-

чу лучше не ходить. Могут сидеть там. Просто звякни Вовчику, но не говори, где мы. И долго не говори, чтоб не отследили.

– Откуда ты этого набрался? – удивляюсь я, а Ванька только снисходительно и очень по-взрослому усмехается, сразу делаясь года на три старше.

– Я ж не в лесу живу...

Мне ужасно хочется спросить, где у нас “не в лесу” десятилетние дети получают такие знания, но вовремя торможу. И без того дура дурой же, совсем от жизни отстала. У нас с Ванькой разница больше десяти лет, понятно, что это громадная пропасть между поколениями. Я в его годы вообще была девочка-одуванчик, домашняя, воспитанная бабушкой и дедушкой... А он, словно молодой хищный зверек, прекрасно знающий законы джунглей, в любой момент готов окрыситься. И в то же время это ребенок, маленький и одинокий... Вот как определить свое к нему отношение? Сейчас у нас явно не тандем взрослый-ребенок. Мы скорее друзья по несчастью, партнеры.

Докатилась, Анька, молодец...

– Ладно, двинули в твой клуб, посмотрим, из-за чего такой кипиш.

Глава 18

Через час, разглядывая фото, записанные на флешке, я понимаю, что вообще ничего не понимаю.

Честно говоря, когда шли еще в компьютерный клуб, в голове всякие мысли крутились, что там может быть. Вплоть до расчлененки и детского порно. Я даже прикидывала, как убрать от экрана Ваньку, если хоть намек на подобное засеку.

Но вот сейчас, оторопело просматривая фото мужиков, спокойно выпивающих за столом, жарящих шашлыки, удящих рыбу, лапающих, но довольно невинно, женщин с вполне определенными лицами и одеждой, я понимаю, что причина нашего преследования никак не может быть в этой флешке. Ну просто тут не за что зацепиться, вот реально!

Примерно половину всех фото занимают непонятные фотки документов. Я честно пытаюсь вчитываться, но ничего не могу разобрать. Наверно, какой-то умелец сможет все почистить, увеличить резкость и так далее, но для меня все сливается. Да и сама суть документов теряется за дикими канцеляритами, которыми перенасыщен тот текст, что еще возможно разобрать.

– И че там? – Ванька, благоразумно удаленный мною в самом начале просмотра, естественно, теряет терпение и лезет под локоть, – о! Тот дядька, которого я ткнул...

И тут же ойкает, замолкая.

А я разворачиваюсь к нему, медленно-медленно, искренне надеясь, что ослышалась. Ну, или что сейчас будет какое-то лайтовое объяснение. Не то, что сходу в голову залетает.

Смотрю на Ваньку, молча, тяжело.

Вокруг нас матерятся школьники, играя в стрелялки и взрывалки, все в наушниках, все заняты собой, а потому нас никто не слышит.

Я смотрю на Ваньку. И понимаю, что надежда моя на то, что ослышалась, тает. Умирает просто.

Он опускает взгляд, пыхтит, кусает губы, а затем, не выдержав зловещей паузы, взрывается:

– Ну а че? Он сам! Встал! И полез! Хватать стал! Я и ткнул!

– Ткнул? – вычленяю я основное.

– Ага... – сопит он расстроенно, – ножом...

– Который Иваныч дал?

– Ага...

У меня нет слов. Верней, слов много, но вот литературных и вменяемых – нет. Конечно, тянет высказаться, да и можно было бы это сделать, тут и не такое заворачивают засранцы, младше Ваньки даже, но я держусь. Проявляю силу воли, иначе чем буду отличаться от всех остальных взрослых, которых этот мелкий пакостник встречал на своем пути?

– Пошли.

Мы выходим из компьютерного клуба, находящегося в по-

луподвальном помещении ближайшей к дому Иваныча школы, добираемся до замусоренного скверика со следами жизнедеятельности местных выпивох и собаководов, отыскиваем более-менее чистую лавочку.

Я устанавливаю Ваньку перед собой, сама сажусь, чувствуя, что мне стоит это сделать. И приказываю:

– А теперь с самого начала, подробно. И без утаек, Вань.

– Да уже и нечего говорить... – отводит он взгляд, но я раздраженно цепляю его за подбородок, настойчиво поворачиваю к себе.

– В глаза. И без утайки. Иваныч уже из-за тебя пострадал.

Упоминание Иваныча действует, Ванька поджимает дрогнувшую губу, вздыхает. Я на мгновение испытываю укол совести, потому что не надо так с ребенком, но тут же мысленно шлепаю себя по щеке. Этот засранец заслужил хорошей порки, на самом деле. В первую очередь, за вранье. Пусть почувствует хоть немного того ужаса, который испытываю я. Понятно, что дети не могут в полной мере оценить уровень опасности, хотя с этим-то у Ваньки как раз полный порядок, но, видно, где-то провис в логике и мышлении, раз столько нового узнаю с каждым откровением.

Засранец, посопев и покусав губы, начинает все же говорить:

– Ну... Я реально все рассказал... Я в самом деле чисто случайно увидел дядек с деньгами, и они реально меня закрыли... Я орал-орал, тут один из них, вот этот, на фотке, за-

ходит, говорит: “Че орешь?” и замахивается на меня! Я увернулся, случайно нож в кармане, сложенный... Вытащил, как Иваныч учил, незаметно, и снизу в живот...

– Тоже, как Иваныч учил? – обреченно уточняю я, и Ванька кивает:

– Да... Снизу, и не рукой, а всем телом чтоб удар...

Закрываю глаза на мгновение, офигея от услышанного и ощущая, как волосы на затылке начинают шевелиться.

– А он захрипел, зацепился за стул и свалился... – продолжает Ванька, уже спокойнее, даже с азартом, словно игрушку рассказывает какую-то, активно жестикулирует, – и башкой грюкнулся об пол! Там звук такой был! Ну, я нож вытащил и отскочил, Иваныч говорил, что кровь может брызнуть на руку, надо отходить...

Иваныч, чтоб тебя... Ох, выскажу, когда увижу... И лучше бы тебе прикинуться без сознания...

Как же я так упустила момент, когда милое общение старика с парнишкой переросло в обучение командос? Сама виновата, дура... Надо было нож этот изъять сразу, как увидела... И Иванычу строго запретить забивать голову ребенка всякой опасной ерундой...

– Я отошел, нож убрал, а крови там толком и не было, кстати... Только на лезвии чуть... – продолжает, как ни в чем не бывало, Ванька, – а потом его обыскал, хотел ключи взять, чтоб выйти из офиса, да и услышать могли, он так падал, с грохотом... Надо было быстро... Вот в кармане нашел

телефон свой и ключи. И флешку эту...

– Ванька... – прерываю его, – ты точно все мне рассказал? Больше ничего не было? Точно?

– Да-да! – кивает он и глаза делает честные-честные...

Я всматриваюсь какое-то время, пытаюсь найти признаки вранья, но ничего не вижу. Даже если и обманывает... Черт, ну вот какой из меня воспитатель? Какого фига вообще?..

Но это так, вопросы в пустоту, в космос.

Решить нашу проблему это не поможет. Значит, надо отставить в сторону и потом поковырять на луну, жалея себя, дуру, впершуяся по самые помидоры в проблемы чужого ребенка...

А пока найти того, кто поможет решить. Потому что я не вывожу, определенно не вывожу...

– Так, что ты про отца своего знаешь?

– Нефиг! Не хочу про него! – Ванька отворачивается, щерится, словно мелкий хищник, но я не в том настроении, чтоб это все выслушивать и успокаивать его. Довел уже своим враньем и недоговорками! Мне страшно подумать, что тот мужик может быть мертв... Хотя, вряд ли.

Припоминаю слова преследователей Ваньки той ночью. Они не выглядели прямо очень озабоченными, думаю, если б на руках труп имели, то по-другому бежали...

Значит, все не так страшно. Или это я себя так успокаиваю?

В любом случае, пора ребенка сдавать родителям, пусть

они с ним занимаются. Попробовать, по крайней мере, стоит.

На мать надежды никакой, это можно сразу мальчишку в полицию вести и вешать на него всех собак.

Отец Ваньки, по отзывам Иваныча, серьезный человек... Может, поможет? Хотя бы сына прикроет от колонии... Во сколько сейчас в колонию сажают? И почему я вообще об этом думаю? Боже... Давно ли моя жизнь была простой и понятной? Предсказуемой?

Я смотрю я на Ваньку строго и прерываю его истерику коротким:

– Рот закрыл. Быстро говори, где можно отца найти. Знаешь?

– Нет! – и глаза вниз.

– Знаешь. Говори.

– Нет! Он все равно не поможет! Он даже не знает про меня!

– Ну вот и пришло время узнать.

Глава 19

– А он точно здесь может быть? – я с сомнением рассматриваю облезлую вывеску спортклуба “Арсенал”, расположившегося на втором этаже старого, еще семидесятых годов постройки здания магазина.

Когда-то это место называлось “Эластиком” и продавало промтовары типа резиновых “мыльниц” и страшных, как вся моя жизнь, пупсов. А после наступления благословенного времени капитализма, тут привычная солянка из “Шестерочек”, “Все по 39”, аптек и прочего. И вот, на втором спортклуб приютился.

С опаской заглядываю внутрь, наблюдаю лестницу, довольно крутую, пропадающую в черном провале неосвещенного коридорчика. Страшно, блин...

Поворачиваюсь к насупленному Ваньке, с независимым и гордым видом пинающему выщербленную тротуарную плитку.

– Здесь, – наконец, соизволяет он ответить, – пацаны говорили, каждый вечер тут...

– Место странное... – высказываю я сомнения, оглядываясь.

На город опускается вечер, уже восемь скоро, еще очень светло, начало лета все-таки, но все равно не по себе.

Мы не в Крестах, а в Новом городе, но место все равно

не очень презентабельное. И как-то не сильно похоже, что человек, привыкший проводить тут время, способен чем-то нам помочь... Или Иваныч ошибся в его определении? Может, когда-то давно этот... как его... Хазар и был крутым, но время его, судя по всему, прошло...

– Нормальное место, – оттопыривает губу Ванька, – это его клуб, пацаны говорили...

– Что-то дофига твои пацаны знают, – кошусь я на него, – может, врут?

Это я так завуалированно намекаю на лапшу на ушах Ванькиного авторства, если что. Потому что после всего, что он уже успел сделать и мне не сказать, берут сильные сомнения, и никак я их не выветрю из подсознания.

Очень уж сильно Ванька не хотел мне выдавать адрес отца, прямо сопротивлялся козликом бодливым, уверяя, что вообще не в курсе, что не видел и не знает...

И только когда я пригрозила, что прямо сейчас встану и пойду в полицию и плевать мне на все, упертый засранец сдался.

Выдал адрес.

И молчал всю дорогу, пока мы ехали сюда на троллейбусе, радуясь, что проездные не потеряли ни я, ни он.

И теперь, глядя на затрапезную вывеску спортклуба, который, по Ванькиным уверениям, принадлежит Тагиру Хазарову, поневоле подозреваю обман.

Может, мелкий хитрец предполагал такую мою реакцию

и надеялся, что струшу и не пойду туда?

– Не врут, – бурчит Ванька, – все в городе знают, где у Хазара клуб...

– Очень странное место... Я как-то думала, что у него все более... презентабельно...

– А нахера ему? – удивляется Ванька, – он же для себя, а не для бабла.

– Это что еще за “нахера”? – строго поправляю я его, – прекрати сейчас же!

– Ага, а тебе можно, значит?

Так... Налицо педагогический коллапс. И не вовремя сейчас.

Пару секунд размышляю, надо ли еще что-то говорить, потом признаю свое полное поражение. Нечего было и начинать, блин.

– Ладно... Стой здесь, понял? Если через полчаса не выйду...

– Ань... – Ванька неожиданно цепляется за меня, смотрит напряженно, – не ходи. Ну не надо тебе туда... Я дурак... нахера сказал?

– Прекрати ругаться... – на автомате опять делаю замечание, а сама растерянно смотрю в его глаза. На мокром месте, что ли? Это еще что за новости... Бойтся тут остаться? – Не бойся... – тяну его к себе, отвожу в сторону, к небольшим скамейкам в тени раскидистых кустарников, – я быстро, ну что ты... Просто узнаю, там ли он... И приду за тобой... Ты

и не успеешь испугаться...

– Да я не за себя боюсь, дура! – рявкает раздраженно Ванька и вырывает у меня локоть, – нечего тебе там делать! Сам пойду!

– Придумал тоже, – удивляюсь я, пропуская мимо ушей “дуру”, все равно в плане установления границ и воспитания полное фиаско, – ты маленький...

– А ты прям большая! – парирует Ванька, выдыхает, садится рядом со мной на лавку, трет макушку с досадой, – нафига я вообще... Тоже дурак... Нечего тебе там делать... Не хотел же...

– А что за пацаны тебе рассказали? И давно знаешь про... это место? – решаю я не торопиться, все равно десять минут туда, десять сюда погоды не сделают, а так может буду понимать, к чему готовиться, раз уж на Ваньку неожиданная откровенность напала.

– Год знаю, – сухо отвечает он, – случайно тема зашла за Хазара... В школе старшие курили, терли, что надо к нему, сюда, типа, тут реально учат, а не просто танцы... Я имя услышал и спросил...

– Хотел встретиться? – спрашиваю я аккуратно, помня, насколько эта тема непростая для него. И что сейчас может быть взрыв.

Но Ванька меня удивляет в очередной раз.

Он кивает и говорит спокойно:

– Хотел встретиться... И завалить его, тварь.

Ох... Я молчу, только глупо хлопая ресницами и не понимая, как реагировать на это. Переубеждать? Воспитывать? Говорить, что так нельзя? Ага... Воспитательница, блин...

– Вань... – аккуратней, Аня, аккуратней... – а ты не думал, что мама могла... чуть-чуть преувеличить? Или ты не так понял просто...

– Все я так понял! Все понял! – Ванька взрывается, но я ожидаю этого, потому успеваю перехватить худенькое тельце и сжать в объятиях.

– Ладно, ладно... Прости... Давай... Давай сначала поговорим с ним все же?

Он сопит мне в плечо, дышит тяжело, весь напряженный и злой. Я держу, перебарывая сопротивление. И не говорю больше ничего, почему-то безотчетно понимая, что сейчас не слова нужны, а тепло человеческое. Его давно не обнимали. Он совсем один в этом мире, защитник, герой, безумно маленький и безумно отчаянный... Как же меня угораздило? Вот так, сразу и наотмашь?

Вскоре Ванька перестает сопротивляться, чуть обмякает, и я тихо говорю:

– Вань... Надо идти мне.

– Я боюсь, что ты уйдешь... И не придешь больше... – говорит он жалобно, и его чистые детские интонации режут наживую, вспарывают грудь слезами, – что он и с тобой делает... Что-то... Не поможет он нам, Ань... Он тварь.

– Надо попробовать, Вань, – шепчу я, – и к тому же я умею

драться, веришь? Я его сама убью. Или тебе оставлю, договорились?

Понимаю, что поступаю неправильно, что нельзя это поощрять... Но я уже говорила, что нифига не воспитатель? И сейчас просто выдаю то, что чувствую, искренне. И Ванька это понимает. И верит.

Кивает, отрывается от меня, вытирает нос кулаком.

– Я тут посижу. Через полчаса если не выйдешь, буду в ментовку звонить. Пусть меня берут и клуб этот выворачивают наизнанку...

– Договорились, – киваю я.

Встаю и иду ко входу в клуб, стараясь шагать твердо и не показывать, насколько отчаянно трушу.

Черный провал лестницы пугает, но отступить нельзя.

Ванька смотрит.

Глава 20

Первый раз меня тормозят буквально на пороге в спорт-клуб, в самом верху длинной темноватой лестницы.

Парень, ровесник мой примерно, открывает дверь прямо перед моим носом, не глядя, шагает в проем сбивает с ног и чуть не прекращает таким образом едва начавшийся квест.

Чудом умудряюсь зацепиться за перила и не обрадовать задницей жесткую лестницу.

Парень тормозит на полном ходу, удивленно пялится на меня, словно инопланетянку углядел, затем говорит без особого сожаления:

– Прости, не думал, что тут кто-то есть...

– Ничего... – хриплю я, придя в себя и намереваясь обойти препятствие, но парень не пускает:

– А ты не перепутала двери?

– Вроде, тут только одна дверь, – пожимаю я плечами, – не перепутаешь... Это же спортклуб?

– Он самый... – парень отшагивает назад, приглашая таким образом пройти в помещение.

Пользуюсь этой возможностью, захожу, оглядываясь с любопытством.

Никогда не была в таких местах. Я вообще спортклубы не посещала ни разу, как-то не сложилось, но в кино и рекламе видела, конечно же.

Так вот, реальность далека от того, что успеваю себе на-фантазировать.

Помещение небольшое, стены выкрашены в синий цвет, такой предбанник со стульями. Дальше одна дверь, сейчас закрытая. И все.

Как-то вообще неприветливо и неинформативно. Ясно, что с улицы тут никого не ждут.

Парень, между тем, вытащив меня на свет, не скрываясь, пялится. Взгляд его настырный, не особо приятный, и потому я решаю не тянуть, а сразу взять быка за рога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.